АК Ленин
D 26

А. ДЕБОРИН

ЛЕНИН КАК МЫСЛИТЕЛЬ

ГИЗ. КРАСНАЯ НОВЬ Г.П.П
МОСКВА
1924

А. Деборин

ЛЕНИН
КАК МЫСЛИТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 89388

Главлит № 23.678. Тираж 15.000 экз.

Типогр. „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь". Пименовская ул., д. 1/16.

I. ВВЕДЕНИЕ.

Каждый человек обладает сознанием, каждый человек мыслит. Философом или мыслителем называется тот, кто осмысливает окружающую его природу и общественную жизнь. В известном смысле каждый рабочий, задумывающийся над своим положением, над положением своего класса в обществе и стремящийся изменить окружающую его действительность, в той или иной степени мыслитель. Крупным, выдающимся мыслителем будет тот, кто способен обнять, по возможности, все явления природы и общества и связать их в одно целое или в единое мировоззрение или миропонимание. При этом немедленно возникает вопрос о том, из чего, т.-е. из какого материала, построен мир, что чему предшествовало—природа (или материя) сознанию или же наоборот, и т. д. Когда мы приходим к тому убеждению, что все что существует, есть не что иное, как материя или ее свойства, то мы становимся на точку зрения материализма. Когда же утверждают, что все явления природы и общества суть порождения или проявления духа, то придерживаются идеалистического мировоззрения.

В классовом обществе каждый класс имеет свою философию, свое мировоззрение, где представления данного класса о природе, общественных отношениях, морали и проч. собраны и спаяны во-едино. То, что думает, чувствует каждый член класса в отдельности, философами переплавляется и перерабатывается в целостное мировоззрение в известном соответствии с наукой и с интересами данного класса. Буржуазия в современном обществе повсюду придерживается религиозных или идеалистических взглядов. Пролетариат же

и его мыслители, в особенности,—материалистического понимания мира. Если философия данного класса есть его сознание, то марксизм, или материализм, есть сознание рабочего класса в его целом и в его развитии, так как мыслители класса забегают обычно вперед и провидят то, что рядовым членам класса не дано предвидеть.

Ленин был выдающимся мыслителем рабочего класса в эпоху рождения нового общества. Он был воплощением сознания и воли пролетариата. Философия пролетариата, в отличие от филисофии современной буржуазии, ставит себе целью прежде всего критику всего буржуазного строя, значит—и идеологии буржуазии, ее миропонимания, ее философии и т. д. Эта критика имеет своею задачей ниспровержение существующего мира и изменение его в соответствии с требованиями и законами развития общества, т.-е. с интересами рабочего класса. В своем отрицании буржуазного мира и его идеологии Ленин был беспощаден. Настоящий философ, подвергающий все существующее критике, становится революционером мысли. Ленин был не только революционером мысли, но и революционером дела.

Он был одновременно и теоретиком и практиком рабочего класса. Он вел рабочий класс, а вместе с ним и все человечество, к светлому будущему, к коммунистическому обществу, в котором не будет иметь места наемное рабство, эксплоатация человека человеком. Обитаемый человечеством земной шар и все силы природы необходимо подчинить человеку и использовать в интересах его развития и более счастливой и радостной жизни. Но эта величественная задача может быть выполнена в том случае, если само общество будет организовано на новых началах. Так, общество и природа практически соединяются в одно организованное целое. Но практическое осуществление такой грандиозной задачи требует основательного знания законов природы и общественного развития. Материалистическая философия составляет теоретический фундамент для практики. Материалистическое понимание природы и истории дает возможность безошибочно действовать в указанном направлении, т.-е. строить жизнь на научных основаниях.

Вот почему Ленин вел такую беспощадную войну против

буржуазной философии, против идеализма и религиозных предрассудков, отстаивая всегда материалистическую философию. Религия есть для него один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной нуждой. Кто живет в нужде и одиночестве,—думает найти утешение и облегчение в загробной жизни. Идеализм есть также особый, более утонченный вид религии. И только материализм дает возможность освободить человечество от всех пустых призраков и устроить лучшую жизнь на земле.

Буржуазная культура покоится в идейном отношении на религии и идеалистической философии, потому что буржуазия заинтересована в материальном, а потому и в духовном рабстве народа. Ленин стремился освободить народ, и прежде всего рабочий класс, как от материального, так и духовного гнета. Это возможно при признании нашего мира единственным действительным миром. В то время, как всякий идеализм вынужден считать, что, кроме нашего материального мира, существует еще другой мир,—материалист знает, что мир один. Для того, чтобы изменить свое положение в мире, рабочий класс должен изменить самый мир. Коммунизм,— это практический материализм, так учили основатели коммунизма Маркс и Энгельс. Ленин был в философии тоже материалистом и диалектиком. Как диалектический материалист, он считал, что весь мир есть не что иное, как движущаяся материя, а сознание представляет собою свойство или состояние материи. Вселенная составляет единое целое, подчиненное необходимым законам. В этом неразрывном целом все находится во взаимной связи и все подвержено постоянному изменению. Человек есть часть этого мирового целого. Но он отличается от других живых существ способностью не только получать впечатления от внешнего мира, но и активно, с своей стороны, воздействовать,—стало-быть, и изменять этот мир. Вся теория марксизма и есть теория изменения мира. Поэтому эта теория или философия, по преимуществу, практическая, так как она направлена почти исключительно в сторону изучения законов изменяющегося мира с тем, чтобы его сознательно изменять в согласии с его законами развития.

Ленин был величайшим практическим материалистом, т.-е. философом практической борьбы за изменение действительности, опираясь при этом на теорию материализма, на ту философию, которая исходит из материалистического понимания природы, человека и истории. В этом смысле Ленин был пролетарским философом по преимуществу. Ибо пролетарский философ не ограничивается писанием книг, а должен ставить своей непосредственной задачей практическую деятельность по осуществлению тех условий, которые изменяют жизнь человека, давая ему возможность победить природу и стать ее господином. Философы всегда сочиняли всевозможные рецепты относительно того, каким должен быть человек. Они проповедывали разные учения, но никогда не интересовались вопросом об осуществимости этих высоких идеалов. Только пролетарская философия нашла ключ к изменению людей. Человек изменяется в зависимости от изменений жизненных условий и обстоятельств той общественной среды, в которой он живет. По мере того, как изменяется общество, изменяется также и человек.

Революция, писал Маркс, есть массовое изменение людей. В огне революции люди перерождаются, сгорает старое, и рождается новое. Это происходит оттого, что ломка старых и возникновение новых форм жизни быстро изменяют человека, зависящего вместе со своими мыслями от внешней среды. Ленин это превосходно понимал и строил в расчете на это неизбежное массовое изменение людей.

Он дальше и глубже всех видел. Но тот, кто видит дальше и глубже других,—тот является именно философом. Его зоркий ум и острый глаз проникают в самую суть явлений и вещей, в закон их изменения, и он овладевает, таким образом, действительностью. Ленин лучше других предвидел будущее; в общем и целом его предвидения и предсказания оправдались. Для того, чтобы они осуществились, надо было действовать в том направлении, в каком развивалась жизнь, в каком шел процесс жизни. Это и делал Ленин. Он был, главным образом, философом-практиком. Вопросы о строении материи, об отношении материи к духу, наших мыслей или сознания к миру были неразрывно

связаны для него с вопросами общественного развития, ибо без правильного разрешения вопросов о существе природы нельзя правильно и решать вопросы общественные. Ленин все рассматривал под углом зрения освобождения рабочего класса от материального и духовного гнета. Жизнь общественная или историческая есть безостановочный процесс, где все, как и в природе, постоянно течет и изменяется. Это—процесс противоречивый. В нем на-ряду со старыми, отживающими формами созревают новые, пробиваются ростки будущего.

Значение Ленина в эпоху крушения буржуазного строя, когда во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки,—состоит в том, что он видел все извилины этого процесса рождения нового, созревания в недрах старого организма коммунистического общества. Он стал философом коммунизма, властителем дум угнетенного человечества. Он учил практическому материализму; он учил, что борьба за уничтожение классов, за осуществление коммунизма составляет основу коммунистической нравственности, образования, воспитания и учения.

II. Теория и практика.

В лице Ленина сошел в могилу не только великий мятежник, не только первоклассный политик, не только гениальный вождь рабочего класса, но и выдающийся революционный мыслитель—воинствующий материалист.

«Философы лишь объясняли мир так или иначе,—говорил Маркс,—но дело заключается в том, чтобы изменить его». Старый тип философа, объясняющего мир, изобретающего системы и созерцательно относящегося к жизни и действительности, скептически посматривающего на бурный поток жизни и осуждающего действительность, поскольку она не укладывается в изобретенную им систему,—этот тип мыслителя принадлежит старому миру. Эти мыслители делали иногда величайшие открытия в области объяснения мира,

но мысль и воля у них почти никогда не были скованы в железное и неразрывное единство.

Великое освободительное движение рабочего класса выдвигает новый тип революционных мыслителей, ставящих себе целью не только познание, но и преобразование мира. Ленин и представляет собою яркий тип такого революционного мыслителя, у которого мысль и воля не разбегаются в разные стороны, а составляют диалектическое единство. В этом отношении он полностью отражал «природу» того рабочего класса, идеологом и вождем которого он являлся. Всю свою титаническую волю и яркую мысль он вложил в дело освобождения рабочего класса, в дело преобразования и изменения мира. В этом отношении Ленин поистине не имеет себе равного во всей истории международного социализма.

Ленин не был просто революционером-практиком, эмпириком. Каждый этап рабочего движения осмысливался им с точки зрения общей теории марксизма в целом. Марксизм, как теория изменения мира, является тем рычагом, при помощи которого он стремился перевернуть весь мир. Эмпирик-практик действует, так-сказать, от случая к случаю. Он не видит всей совокупности явлений, их внутренней связи и закономерности. Революционный же мыслитель типа Маркса или Ленина не удовлетворяется случайными или частичными фактами, поверхностью явлений, а стремится в своей деятельности опираться на «сущность» явлений, на их закон. Законы функционирования и развития общества суть внутренние его пружины и рычаги. Действительность находится в состоянии непрерывного изменения и развития, совершающегося согласно этим внутренним законам. Человечество слепо и бродит в темноте до тех пор, пока эти законы остаются для него тайной. Но человечество становится зрячим, когда оно познает эти законы. Но человечество становится «свободным», когда овладевает слепой необходимостью общественной эволюции. Теория Маркса и представляет собою такое учение, которое открыло эти законы. Маркс выработал понятие общественно-экономической формации. «Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт—способ

добывания средств к жизни, она (теория Маркса. *А. Д.*) поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»[1]).

Теория объяснения социального мира состоит в открытии его особых законов зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм, как выражается Ленин. Без теории,—конечно, правильной и объективно-истинной,—нет планомерной, сознательной исторической и общественной деятельности. Такая теория является необходимой предпосылкой сознательного воздействия на исторический процесс. Но, ведь, недостаточно открыть вышеуказанные законы, хотя такое открытие является само по себе делом величественным. Необходимо еще, опираясь на эти открытые законы, указать способы изменения и осуществлять это изменение и превращение одного «социального организма» в другой. Можно владеть прекрасной теорией и относиться к действительности созерцательно-«философски». Чтобы изменить действительность, необходимо, чтобы сама теория стала действительностью, активно-творческой силой,—словом, чтобы теория стала практикой. Марксизм и представляет собою совершенно отличную от других теорию или философское мировоззрение, которое требует претворения практики в теорию и теории в практику. Марксизм не знает отрыва теории от практики. Диалектическое единство теории и практики требует, чтобы теория была «практичной», а практика была освещена теорией, чтобы она сама стала теорией. «У Маркса,—говорит Ленин,—нет и капельки утопизма в том

---

[1]) Н. Ленин, „За 12 лет", стр. 57.

смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у коммуны, как великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «нравоучениями»[1]). Слова Ленина о Марксе вполне применимы к самому Ленину. Более того, они применимы к нему в бо́льшей степени, ибо он, в отличие от Маркса, имел возможность применить свои теории в огромной стране при чрезвычайно сложной международной обстановке. И надо сказать, что Ленин мог, конечно, ошибаться, о чем он сам неоднократно говорил, но ошибки эти были особого рода. Будучи ортодоксальным марксистом, ему чуждо было доктринерство. Марксизм учит, что теория сама по себе не имеет самодовлеющей ценности или самостоятельного значения в смысле абсолютной истины, имеющей свое оправдание и критерий в самой себе. Усвоив прекрасно дух марксизма, овладев в совершенстве его методом, он не цеплялся за отвлеченные теории, не поклонялся фетишам. Он их безжалостно отметал как только убеждался в их «абстрактности», т.-е. безжизненности. Подобно Марксу, Ленин учится «у опыта массового пролетарского движения» и из него извлекает практические уроки, претворяемые в теории. Теория прежде всего должна выдержать испытание практики. «Практикой человек должен доказать истину своего мышления». Теория не представляет собою самостоятельного царства. Первенство принадлежит практике. Теория, выдерживающая испытание практики, есть объективная истина. Не следует ограничиваться, учил Маркс, объектами, существующими в нашей голове, а необходимо иметь дело с конкретными объектами. Поэтому действительность и следует рассматривать «в форме конкретной человеческой деятельности, в форме практики». Так теория приобретает совершенно особый характер, чем у прежних мыслителей.

---

[1]) Ленин, т. XIV, Государство и революция, стр. 335.

Кто лучше других понимает движущие силы действительности, тот дальше других видит. Он видит путь, по которому направляется действительность, он способен предвидеть будущее. Но марксизм требует, в качестве теории освободительного движения, не бесстрастного и созерцательного отношения к действительности, а изменения самой действительности в согласии с назревшими объективными возможностями. Ленин соединял в своем лице революционного мыслителя и преобразователя жизни. Революционные мыслители и представляют собою особый тип, новый тип людей, выдвигаемых историческим движением пролетариата и отличающихся тем, что они ставят непосредственной своей целью изменение мира, преобразование жизни. Марксизм есть поэтому не только теория, но и практика освободительного движения пролетариата, не только объяснение, но и изменение действительности. Говоря о Ленине, как о преобразователе жизни, мы ни на минуту не забываем тех особых объективных условий, которые сделали возможным деятельность его. Ленин является гениальным учеником и последователем Маркса. Несомненно, что вся сила Ленина заключалась, помимо, конечно, личной гениальности, в правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь. Сила Ленина в марксизме. Ленинизм есть революционный марксизм эпохи крушения капитализма. Маркс великий, гениальный теоретик, колоссальный ум, который видит на сотни лет вперед. Буржуазия таких мыслителей не выдвигала и никогда не имела. Она имела, разумеется, много крупных гениальных умов; они строили всеобъемлющие философские системы; они сделали очень много вообще для науки. Но на их системах лежала печать «академизма». Эти мыслители и ученые добирались до отдаленнейших небесных тел, до глубин атома. Но для общественно-исторической науки они сделали сравнительно очень мало. Здесь они были грубыми эмпириками, ибо история против них. Они должны были остановить и ограничить ход исторического развития. Вся духовная мощь пролетарских революционных мыслителей сосредоточилась на овладении человеческим обществом, на перестройке его, на познании движущих его сил. Маркс и поднял обществен-

ные науки на недосягаемую высоту, на высоту точной науки. Марксизм превратил политику в науку. Ленин был гениальным политиком этой школы. Теоретическую базу научной политики составлял для него марксизм. Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм—марксистскую политику и тактику—марксизму, как философской, исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строились, а видеть в нем применение и дальнейшее развитие марксизма. Ленинизм, в свою очередь, обогатил марксизм, т.-е. марксистскую науку, марксистскую теорию, которая еще не успела переварить и осмыслить весь «ленинский» опыт. Но несомненно, что Ленин, будучи верным ортодоксальным учеником Маркса, сделал чрезвычайно много для развития и углубления самого марксизма.

Общество может при известных условиях стать предметом эксперимента. Природа противостоит нам, как нечто чуждое. Эксперименты там возможны лишь в ограниченных пределах. В общественной жизни дело обстоит иначе. Здесь мы, люди, прежде всего сами являемся активными деятелями и творцами. Ведь история делается людьми, между тем как природа людьми не делается. Ленин—великий социальный экспериментатор. Он каждое теоретическое положение подвергал практическому испытанию.

III. Основы теории познания.

Для понимания всей деятельности Ленина необходимо обратиться к общим основам его мировоззрения и метода. Ленин был марксистом, т.-е. диалектическим материалистом. Для него, как и для Маркса, практикой мышление доказывает свою истинность. «Точка зрения жизни, практики,—говорит он,—должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже

настолько «неопределен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине путь науки, стоящий на материалистической точке зрения»[1]). И далее, он говорит о теории Маркса в том же духе: «...Но так как критерий практики,—т.-е. ход развития всех капиталистических стран за последние десятилетия,—доказывает только объективную истину всей общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о «догматизме» марксистов—значит делать непростительную уступку буржуазной экономии. Единственный вывод из того разделяемого марксистами мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем притти ни к чему, кроме путаницы и лжи»[2]).

Вдумайтесь, читатель, в эти две цитаты. Ленин ясно и кратко формулирует здесь основную мысль марксистской гносеологии, составляющей теоретический фундамент его собственной практической деятельности. И что же мы видим? Ленин, в согласии с Фейербахом, Марксом, Энгельсом и Плехановым, подчеркивает прежде всего необходимость положить в основу теории познания всю совокупность человеческой практики. Этот момент составляет отличительную черту именно марксистской философии, т.-е. материализма, между тем как идеализм «ставит и разрешает вопрос об объективности и субъективности, о действительности или недействительности мира только с теоретической точки зрения», как выражается Фейербах. Идеалистическая философия ищет критерия истины в самой мысли. Марксистская же философия обращается к практике. Поэтому

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. X, стр. 115.
[2]) Там же, стр. 115.

идеализм имеет всегда дело с безжизненными абстракциями, материализм же выше всего ставит точку зрения жизни, практики. Материализм и идеализм являются выражением двух классовых идеологий, при чем идеализм есть идеология класса, оторванного от непосредственного процесса производства, от производственной практики. Материализм же является выражением мироощущения и миропонимания класса производителей, т.-е. класса практического по самому существу своему. Для идеализма истинно-человеческая деятельность есть только деятельность теоретическая, деятельность мысли; для марксиста же практическая деятельность есть истинно-человеческая деятельность. Материалист Фейербах даже говорил, что философия, по сравнению с практикой, есть лишь «необходимое зло»[1]).

Итак, Ленин кладет в основу теории познания всю совокупность человеческой практики. Однако тут же необходимо оговорить, что Ленин не понимал примата практика в том смысле, в каком это понимают махисты и прагматисты. С таким неправильным пониманием и истолкованием этого основного

---

1) В этой связи позволительно будет указать на высокую и, с нашей точки зрения, справедливую оценку Лениным Фейербаха. Ленин в философии, конечно, является „учеником" Плеханова, о чем он сам неоднократно заявлял. Но то обстоятельство, что он, как и все мы, учился у Плеханова, не мешало Ленину самостоятельно подходить к целому ряду вопросов и в некоторых существенных пунктах, „исправить" Плеханова. Оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг-друга. Плеханов, прежде всего, теоретик. Ленин же, прежде всего практик, политик, вождь. Но оба они чрезвычайно много сделали для развития и углубления нашего миросозерцаиия. Возвращаясь к Ленину, мы и обращаем внимание на то, что в то время, как Плеханов в своих „Основных вопросах марксизма", вышедших в 1908 году, стоит еще на той точке зрения, будто Фейербах не понимал „практически-критической деятельности", Ленин в своем „Материализме и эмпириокритицизме" 1909 года стоит определенно на противоположной точке зрения. Ленин не отделяет в этом отношении Фейербаха от Маркса и Энгельса. „И Фейербах, — говорит Ленин, — подобно Марксу и Энгельсу, делает непозволительный с точки зрения Шульца, Фихте и Маха „прыжок" к практике в основных вопросах теории познания". „Фейербах берет учет всей совокупности челевеческой практики в основу теории познания" (Собр. соч., т. X, стр. 114). В статье „От идеализма к материализму" (1915 г.) Плеханов, несомненно под влиянием Ленина, изменил свою точку зрения в отношении Фейербаха. И, что еще любопытнее, Плеханов в подтверждение того, что „мысль о гибельном влиянии на философскую теорию разрыва ее с практическою деятельностью вполне соответствует всему духу фейербаховой философии", опирается на то же место, которое было приведено Лениным.

исходного положения марксистской теории познания мы встречаемся не только у махистов. «Познание может быть биологически полезным, говорит Ленин, возражая махистам,—полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если она отражает объективную истину, независящую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсиста «успех» есть все то, что мне нужно на практике, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм,—говорит марксист. Практика пусть будет материалистична, а теория особь статья,—говорит Мах». Вульгарный буржуазный практицизм ничего общего не имеет, конечно, с практикой в понимании марксизма и материализма. Как понимает Ленин успех человеческой практики? Как он понимает соответствие наших представлений с объективной действительностью? Подобно тому, как наши представления и понятия не являются абсолютными отражениями объективной действительности, так и успех человеческой практики, человеческой деятельности составляет лишь приближение к объективной истине. Такое правильное и глубоко-марксистское понимание вопроса свидетельствует об отсутствии в мировоззрении Ленина догматизма и доктринерства. «Идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше, никогда не исчерпывая ее». Именно поэтому теория Маркса есть объективная истина. То, что подтверждает наша практика, как в области чисто-теоретической, так и в области общественной деятельности,—есть единственная объективная истина. Другого пути к объективной истине нет. Но Ленин говорит именно о пути, о методе, превосходно понимая, что всякая данная истина представляет собою не абсолютную, а относительную истину. И поэтому важен путь, правильное направление, которое ведет к истине. Самою же абсолютною истиною мы никогда не обладаем. Мы к ней в нашем познании и в нашей деятельности лишь приближаемся. Критерий практики достаточно «неопределенен», чтобы предохранить,

от догматизма и абсолютных точек зрения, и достаточно определен для отрицания всякого идеализма и беспощадной с ним борьбы. В своей практически-революционной деятельности Ленин поэтому всегда придавал решающее значение испытанию определенных лозунгов, политических форм и пр. практикой. Не теоретическое преодоление, а практическое, жизненное преодоление путем переживания и испытания определенных форм, напр., демократии или конституции, в целях изживания их как иллюзий, «истинных» на одной ступени развития, но ложных и обманчивых на высшей ступени развития. «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д.—все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию» [1]). Ленин в другом месте подчеркивает историческую ограниченность и условность буржуазного парламентаризма. Объективной истиной для марксистов является ныне уже коммунизм или первоначальная его стадия—социализм. Поэтому парламентаризм, формальная демократия и государство вообще суть реальности, известные ступени и способы приближения к социализму, но вместе с тем противоречие между формальным равенством и наемным рабством будет раскрывать глаза массам, переживающим этот исторический опыт со всеми с ним связанными для них страданиями. Массы в ходе исторического развития должны притти и приходят к пониманию исторической ограниченности всех этих форм, и приближаются, вместе с объективным экономическим развитием, порождающим и обостряющим все противоречия, к социализму, как объективной действительности.

VI. Объективная истина.

Но что такое объективная истина? И каково отношение между абсолютной истиной и истиной относительной? В значительной степени ответ Ленина на эти вопросы нам уже известен. Но не безынтересно остановиться на этом

---

[1]) Ленин, т. XIV, стр. 361.

вопросе несколько подробнее, особенно в виду существующей на этот счет путаницы и среди многих современных марксистских литераторов.

А. Богданов утверждает, как известно, что истина есть только идеологическая форма. Против этого взгляда Ленин возражает, что так как иной идеологии, кроме человеческой, не существует, то с этой точки зрения не может быть истины объективной, т.-е. от субъекта не зависящей. Но нелепость этой точки зрения очевидна. Во-первых она опровергается вполне очевидными фактами. «Естествознание,—говорит Ленин,—не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истина. С материалистической точки зрения это вполне совместимо: существование независимого от отражающих отражаемого (независимо от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма. Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина»[1]). Но если истина есть организующая форма опыта или т о л ь к о идеологическая форма, как это утверждают махисты и прочие, то «не может быть истинным утверждение о существовании земли в н е всякого человеческого опыта. «Естествознание несовместимо с махизмом, позитивизмом, эмпириокритицизмом и т. д. С другой стороны, если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то нет никакого критерия для разрешения вопроса об объективности и субъективности нашего опыта. При таком взгляде на вопрос и католицизм,—говорит Ленин,—также является истиной. «Ибо не подлежит сомнению, что католицизм есть организующая форма человеческого опыта». Из этого положения думают найти выход тем, что под объективностью понимают о б щ е з н а ч и м о с т ь, с о ц и а л ь н о-о р г а н и з о в а н н ы й о п ы т. Но разве религия не обладает общезначимостью? «Учение религии,—говорит Ленин—«общезначимо» в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения. Католицизм «социально-организован, гармонизован, согласован» вековым его развитием; в «цепь причинности» он «у к л а д ы в а е т с я»

---

[1]) Л е н и н, т. X, стр. 98.

самым неоспоримым образом, ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ней профессора философии вполне «закономерно». Если этот несомненно общезначимый и несомненно высоко-организованный социально-религиозный опыт «не гармонирует» с «опытом» науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница». Эта коренная принципиальная разница стирается, когда отвергают объективную истину, стирается разница между наукой и фидеизмом, т.-е. между знанием и верой. Религия тогда покоится на одинаковых гносеологических основаниях, что и научное познание. Так, марксисты, пусть бессознательно, подводят научно-философский базис под фидеизм, под поповщину, как выражается Ленин. Понятие объективной истины в смысле материалистическом проводит резкую межу между религиозным опытом и научным; оно не стирает между ними грань, а, наоборот, устанавливает между ними коренную, принципиальную разницу. «Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта» [1]).

Воинствующий материалист Ленин не может сделать, разумеется, ни малейшей уступки всяким агностикам, в какие бы наряды они ни драпировались, понимая, что «незнайство» или «немогузнайство» есть лишь своеобразная форма фидеизма, чрезвычайно утонченный вид поповщины—в век необычайного расцвета положительных наук и техники и обостренной классовой борьбы. Ленин вскрывает классовый характер и сущность «немогузнайства». Этот революционный гений рабочего класса, великий строитель нового дома человечества, художник новых форм жизни

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. X, стр. 100.

беспощадно разрывает и отбрасывает в сторону, как гнилую, вонючую ветошь, все тонкие как кружева идеалистические построения, которые лишь подтачивают и подмывают фундамент строящегося дома. Малейшее отклонение от материализма клеймится им как пособничество фидеизму, как уступка классовому врагу.

Отрицание объективной истины ведет к недопустимой «терпимости», к оппортунизму в области мысли и философии. Но этот философский оппортунизм имеет своим неизбежным следствием оппортунизм классовый, политический, обман рабочих, извращение марксизма. «Мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах» есть неизбежное следствие отрицания объективной истины. Но не следует понимать дело так, будто Ленин стоит на почве «классового субъективизма», будто объективной истиной является для него та, которая полезна и выгодна рабочему классу. Ведь, мы уже знаем, что для него познание полезно лишь тогда, когда оно отражает объективную истину. Материализм и марксизм не потому истинны, что они полезны, общезначимы, что выражают социально-организующий опыт пролетариата. Наоборот, они полезны, «общезначимы» и пр. потому, что отражают объективную истину. В современных условиях только пролетариат и может стоять на почве материалистического объективизма. Классовый субъективизм составляет отличительную черту реакционных классов. Поэтому фидеизм и всевозможные виды идеализма составляют идеологию именно этих классов. И именно их учения противоречат естествознанию!

Что же касается в частности махистов, то они субъективисты и агностики. «Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности,—

последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что, кроме нее, нет и не может быть другой [1]). Объективная действительность никогда не может быть познана «до конца». В этом смысле нелепо говорить об абсолютной истине, ибо «всеобъемлющая, раз навсегда установленная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, хотя она отнюдь не исключает, но, напротив того, подразумевает, что систематическое познание внешнего мира может делать гигантские шаги от поколения к поколению» (Энгельс). Этот диалектический взгляд на процесс познания чужд как метафизическим абсолютистам, так и метафизическим релятивистам. Одни требуют абсолютной истины, т.-е. истины, познанной до конца, и на меньшем помириться не могут. Другие же отвергают существование объективной истины на том основании, что истина, наше познание находится в состоянии развития. Из того обстоятельства и несомненного факта, что познание внешнего мира не исчерпано до конца, и что «каждый шаг развития науки,—как выражается Ленин,—открывает в нем новые стороны», они делают тот нелепый вывод,—будто самого внешнего мира не существует. Это уж настоящее salto mortale, а не salto vitale. В свете метафизического абсолютизма мир представляется г о т о в ы м, з а к о н ч е н н ы м, р а з н а в с е г д а д а н н ы м, м е р т в ы м, з а с т ы в ш и м; все категории его приобретают характер в е ч н ы й и н е и з м е н н ы й. Может ли марксист примириться с такой точкой зрения? Мог ли Ленин—этот вечно рвущийся вперед и всесокрушающий революционер жизни,—по самому существу своего характера и представляемого им класса принять готовый и застывший мир? Не следовало ли расплавить этот мир в огне революции, чтобы построить новый лучший мир? «Мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны», новые возможности, новые горизонты, новые более широкие перспективы. Если бы этот мир не изменялся в силу присущих ему законов, то, конечно, никакая внешняя сила не могла бы привести его в движение. Опи-

---

[1]) Там же, стр. 102—103.

раясь на эти законы изменения и развития мира, подчиняясь им, действуя в том же направлении, в каком мир развивается сам по себе, мы способны содействовать его более быстрому темпу развития, мы принимаем участие в этом общем космическом,—ибо и общество человеческое составляет часть космоса,—процессе развития.

В противоположность метафизическим абсолютистам или объективистам, субъективные релятивисты утверждают изменчивость наших ощущений, отрицая при этом существование внешнего мира, объективной реальности. Но из потока наших ощущений не может получиться изменения мира. Субъективизм так же несовместим с марксизмом, как он несовместим с естествознанием. «Положить релятивизм в основу теории познания,—значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей мерки или модели, к которой приближается наше познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5 мая 1821 г., или не умер, можно простым «удобством» для человека и для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.» [1]).

Частица истины заключается как в утверждении абсолютного объективизма, так и в признании относительности наших знаний. Каждое же из этих утверждений, взятое отдельно, само по себе, есть ложь. Стремление построить целое, целостную теорию знания или мировоззрения из таких частичных, односторонних утверждений, ведет к метафизике. Часть не есть целое, хотя целое и состоит из частей. Только диалектический материализм дает научное разрешение вопроса о взаимоотношении между абсолютной и относительной истиной. Указанные противоположности между абсолютным или объективным и относительным не

---

1) Ленин, там же, стр. 109—110.

являются противоположностями метафизическими, а относительными, диалектическими. «Для диалектического материализма не существует непроходимой грани между относительной и абсолютной истиной». «С точки зрения современного материализма, т.-е. марксизма,—говорит Ленин,—исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно-существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и агностицизма от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это—грань между диалектическим материализмом и релятивизмом»[1]).

V. Диалектический материализм.

В нашу изумительную по открытиям в области естествознания эпоху, когда каждое новое открытие подтверждает правильность диалектического материализма, когда крупней-

[1]) Там же, стр. 109.

шие физики начинают сознательно становиться на точку зрения диалектики, не понимая еще вполне той прозы, которой они говорят,—именно в это время мы видим намечающееся уже попятное движение среди марксистов, которые в качестве гегельянцев-идеалистов отрицают диалектику в природе (мы имеем в виду прежде всего Г. Лукача) [1]). Энгельс совершенно справедливо указывал на то, что «природа служит пробным камнем для диалектики, и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно доставляет для ее испытания с каждым днем все возрастающий материал и тем самым доказывает, что в природе, в конечном счете, все совершается диалектически, а не метафизически» [2]). Мы полагаем, что эта замечательная мысль Энгельса для нашего времени при совершающейся ныне революции в естествознании имеет особенно глубокий смысл. Ну, и что же? Разве новаторы, о которых мы говорили, постарались привести какие-либо доводы в пользу своего взгляда и в опровержение Энгельсовского взгляда, являющегося общепризнанным среди ортодоксальных марксистов,—диалектических материалистов? Нет, этого мы не видели. Энгельс вполне правильно опять-таки указывает, что Гегель в натурфилософии, в естествознании оказался «значительно позади Канта». Гегель видел развитие только в сфере «духа», на долю же природы он оставляет простое «существование». Позволительно ли нам совершить такой возврат к Гегелю, при котором были бы восстановлены его ошибки, быть-может, его идеализм? А между тем, процесс, который происходит в современной физике, может быть формулирован словами Ленина: «Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм».

Стихийный материализм в естествознании, о котором говорит Ленин, медленно и постепенно переходит в сознательный. Точно так же обстоит дело и с диалектикой. Но при той ломке, при том кризисе, который переживает современная физика, не удивительно, если мы встречаемся с весьма «странными» заявлениями. Новые открытия в области

---

[1]) См. его книгу „Geschichte und Klassenbewusstsein". Berlin.
[2]) Энгельс, Анти-Дюринг, 1918 г., стр. 21.

физики использовываются идеалистами для отрицания материи, стало-быть, и материализма.

Ленин очень тонко проводит в защиту материализма разграничение между философскими и физическими понятиями. Небесполезно в этой связи напомнить о недавнем выступлении в печати «сокрушителей» философии и о продолжающейся еще и в настоящее время полемике по вопросу «о пользе философии». Эти товарищи, тоже «новаторы», полагают, что философию можно уже выкинуть за борт, и что надлежит довольствоваться положительными науками. А «новатор» из «новаторов», Э. Енчмен, даже полагает возможным все «утопить» в своей знаменитой «теории новой биологии», считая материализм «эксплоататорским обманом»[1].

Ленин на этот счет, конечно, придерживается другого мнения, превосходно понимая разницу между философией и специальными науками. «Ни единому из этих профессоров,—говорит он,—способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии». «Задача марксистов... суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (т.-е. буржуазными учеными. *А. Д.*)... и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»[2]. Но именно для того, чтобы уметь переработать завоевания науки и вести свою линию, необходимо иметь свое философское мировоззрение, которое дает возможность выполнить эту задачу и не подпасть под влияние «физического» или физиологического идеализма. Надо уметь отделять и различать философские категории от физических и всяких иных категорий. Как же вы прикажете выполнить эту работу без знания «философских категорий»? Смешивают, напр.,—говорит Ленин,—вопрос о том или другом строении материи с гносеологической категорией материи, с вопросами о существовании объективной истины. Если объективная истина существует, то нужно для

---

[1] См. превосходную брошюру т. Н. Бухарина „Енчмениада".
[2] Ленин, т., X стр. 290.

нее философское понятие. Это философское понятие есть материя. «Материя,—говорит Ленин,—есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть младенческий лепет, есть бессмысленное повторение доводов модной реакционной философии»[1]).

Диалектический материализм, в отличие от метафизического, рассматривает всякое физическое учение о строении материи лишь как относительное приближение к объективной действительности, которая никогда не может быть исчерпана полностью до конца. Философское же понятие материи не совпадает и не может совпадать целиком с физическим понятием материи, которое на каждой данной ступени развития науки отражает лишь данный предел объективной реальности. Философское понятие материи есть некий «абсолют». Но что означает этот «абсолют»? Философское понятие материи «не означает ничего иного, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им»[2]). Признавать объективную реальность—значит «так или иначе», как подчеркивает Ленин, признавать абсолютную истину. Для диалектика абсолютная истина складывается из относительных истин. Энгельс в своей критике Дюринга указывает на то, как следует диалектически трактовать проблему бесконечности. Бесконечность составляется из конечных величин. Это, конечно, противоречие. Но без противоречия нельзя себе мыслить бесконечность. «Именно потому,—говорит Энгельс,—что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, во времени и пространстве беспрестанно развертывающийся процесс. Прекращение этого противоречия было бы концом бесконечности». Такова же, как известно, и точка зрения Гегеля. Диалектика,—говорит Ленин, в согласии с Энгельсом и Гегелем,—признает относительность всех наших знаний, но не в смысле отрицания

---

[1]) Там же, стр. 103.
[2]) Ленин, там же, стр. 218—219.

объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к истине. Подобно тому, как бесконечность составляется из величин конечных, так и абсолютная истина складывается из истин относительных. «Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»[3]). Диалектика включает в себе момент относительности, отрицания, скептицизма, но не сводится, как подчеркивает Ленин, к релятивизму. Эту мысль Ленина необходимо особенно подчеркнуть потому, что многие марксисты не понимают диалектического характера проблемы о взаимоотношении между моментом «отрицания», относительности и объективной реальностью. Они не понимают, что объективная реальность есть некая бесконечность, неисчерпываемая никогда полностью, но составляющаяся для нас из конечных, относительных пределов. Поэтому одни приходят к признанию одного лишь временного, ограниченного, условного и относительного предела, якобы, не отражающего объективной реальности. Такая точка зрения ведет к субъективизму и скептицизму, к отрицанию объективной реальности и положительного характера научного знания. Другие же упираются в другую крайность: они рассматривают каждую данную ступень в развитии науки как полное и абсолютное отражение объективной реальности, что ведет к метафизическому пониманию действительности и человеческого познания. Новая физика, по мнению Ленина, свихнулась в идеализм потому, что физики не знали диалектики. «Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, т.-е. объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, «огра-

---

[3]) Ленин

ничением ожидания», «логической необходимостью» и т. п. Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно-верно, относительно-правильно отражаемого этим познанием»[1]).

Метафизики отстаивают неизменность элементов или свойств материи и абсолютный характер законов природы и общества. Релятивисты же стоят на противоположной точке зрения. Из относительного характера нашего знания, из факта изменчивости элементов материи и проч. они выводят заключение об отсутствии всякой объективной реальности и закономерности и о чисто-условном или субъективном характере законов. Как первое, так и второе понимание вопроса одинаково ошибочно. Ленин в качестве диалектического материалиста доказывает ошибочность каждой из этих точек зрения в отдельности. То, что на одной ступени развития кажется неизменным и абсолютным, то на другой обнаруживается как нечто относительное. Так, напр., до недавнего времени полагали, что непроницаемость, инерция, масса составляют абсолютные свойства материи. Теперь мы знаем, что это не так.

Однако следует заметить, что диалектический материализм резко отличается от метафизического или механического, с которым связано, повидимому, определенное конкретное физическое учение о материи и ее свойствах. Но диалектический материализм в качестве философского мировоззрения значительно углубил все эти вопросы, предоставив, с одной стороны, более широкое поле физическим исследованиям и учениям, не связывая себя ни с каким конкретным физическим учением о строении мира; но тем самым философское понятие о материи, правда, сужается, но одновременно и углубляется, так как оно допускает бесконечное количество конкретных форм и свойств материи. Каковы бы ни были успехи физических наук, они не затрагивают философского учения о материи. И в этом смысле можно сказать, что философский материализм служит для Ленина даже оплотом против «физического», «физиологического» и

---

[1]) Ленин, там же, стр. 219.

пр. идеализма. Верно, конечно, что материализм, «с каждым составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области» («не говоря уже об истории человечества»), как выражается Энгельс, должен изменять свою форму, говорит Ленин. Но смешивать форму с основной сутью, изменять с у т и материализма под видом критики ф о р м ы его непозволительно, а это-то и делают махисты. Теперь мы уже знаем, что Ленин понимает под ф о р м о й материализма. Это определенный конкретный вид его, который дается исторически-относительным содержанием, т.-е. конкретным учением о строении и свойствах материи или учением об опреленных исторически-ограниченных законах данного социального организма, данной исторической ступени в его развитии. «Следовательно,—говорит Ленин,—ревизия «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, напротив, необходимо требуется марксизмом». Философское понятие материи связано неразрывно лишь с о д н и м с в о й с т в о м ее: оно утверждает с у щ е с т в о в а н и е, о б ъ е к т и в н о е б ы т и е материи, существование ее вне нашего сознания; отсюда же вытекает и второе: действие ее на наши чувства, ,отражение ее в наших ощущениях. Этим Ленин подчеркивает два момента: момент существования, объективного бытия и момент теоретико-познавательный—отражение в наших ощущениях. «Неизменно, с точки зрения Энгельса,—говорит он,—только одно: это отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» т о ж е относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня—дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих в е х познания природы про-

грессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистического агностицизма и идеализма»[1]).

«Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, но это нисколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т.-е. продуктом нашего ума»[2]).

При таком широком, истинно-диалектическом понимании материализма падают сами собою все возражения, которые выдвигаются обычно «критиками». Метафизический материализм признает существование абсолютных, неизменных элементов или сущностей. Но диалектический материализм во всех этих грехах нисколько не повинен. Поэтому новейшие открытия в области физики не только не опровергают материализма, а, наоборот, подтверждают правильность диалектического материализма. Метафизический взгляд на природу действительно терпит полное и окончательное крушение. Это еще не осознано многими марксистами, не говоря уже о противниках его. Но диалектические материалисты, в том числе, конечно, и Ленин, превосходно поняли сущность этого движения уже давно. Мировоззрение Маркса и Энгельса получает только новое подкрепление со стороны современного естествознания. Ленин, как один из крупнейших представителей диалектического материализма, также считает, что «природа служит пробным камнем для диалектики».

Что касается старой механической картины мира, то она для материализма, как мы уже говорили, не обязательна. Новая физика выдвигает электрическую теорию материи, на место материи она ставит электричество. Если до сих пор

---

[1]) Там же, стр. 220.
[2]) Ленин, там же, стр. 236.

естествознание сводило все содержание физического мира к трем последним понятиям: к материи, электричеству и эфиру, то и самое материю, повидимому, удастся свести к электричеству. Но с другой стороны, электричество само есть не что иное, как материя. Законы старой механики не просто отвергаются, как некоторые думают, а их «сфера действия», так-сказать, ограничивается. Эти законы механики рассматриваются уже как частный случай электромагнитизма или электродинамической картины мира. Мир есть движущаяся материя. Механика, при окончательном торжестве этих новых учений, была бы снимком с медленных реальных движений,—говорит Ленин,—а электромагнитическая теория была бы снимком с гигантски быстрых движений. Постоянство массы, принцип инерции сохранили бы силу только для средних скоростей тел. Таким образом старая механика не выкидывается за борт, но она применяется в более узких пределах. Во всяком случае, как в механике, так и в новой физике мы имеем дело с р е а л ь н ы м и д в и ж е н и я м и и движением, изменением и превращением объективной реальности, т.-е. материи. «Эта диалектика м а т е р и а л ь н ы х превращений, проделываемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалиста,—подчеркивает Ленин,—подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма». Действительно, нелепо делать идеалистические выводы из новой физики. Мы «оперируем» электричеством, атомами и электронами в наших лабораториях. Мы не только «наблюдаем», но и «испытываем» эту диалектику материальных превращений. Очевидно, что если бы эти процессы не были реальными, объективными, материальными,—они бы вовсе и не существовали, и мы бы о них ничего не знали. Правда, то, что мы теперь знаем и наблюдаем, много мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени. Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума или абстрактного ума, т.-е. уордовского бога, богдановской «подстановки» и т. п.

Против метафизического материализма выступили, как известно, основоположники марксизма, видя в «механи-

ческом» его направлении основную его ошибку. При таких условиях приходится действительно поражаться дальновидности этих «стариков». С высоты современной физики их взгляды приобретают более глубокий философский смысл.

Маркс и Энгельс были последовательными диалектиками и материалистами и поэтому они видели дальше и глубже других. В качестве диалектиков они знали, что наше познание не дано в готовом и законченном виде, что относительное знание ведет к объективному и неполное ко все более полному и точному знанию. По их же стопам пошел и Ленин, совмещавший глубочайший реализм с неисчерпаемым революционным энтузиазмом и практическим идеализмом. Он брал каждое отдельное «звено» или момент развития, как относительное и приблизительное выражение целого, не останавливаясь, не застывая на отдельных стадиях, а практически преодолевая их и подвигаясь все дальше и дальше вперед. Ему были чужды как беспочвенный утопизм, так и ползучий эмпиризм. «Мы не доктринеры. Наше учение,—говорил он вместе с Энгельсом,—не догма, а руководство к деятельности. Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это—вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут к нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»[1]). Он никогда не терял из виду конечной цели, к которой стремился, опираясь на объективное развитие современного общества. Но он вместе с тем сознавал, что к конечной цели ведет тяжелый и мучительный путь, ряд препятствий и конкретных ступеней, которые необходимо преодолеть, ибо без их преодоления действительного, практического нет дальнейшего движения вперед. Если целое составляется из таких отдельных, относительных моментов, то в каждом отдельном моменте надо уметь схватить его сущность, так сказать, «идею» целого. В этом и заключается умение диалектически смотреть на мир, искусство овла-

---

1) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 83—84. В приведенных словах прекрасно выражена вся „суть“ ленинской философии как теоретической“, так и практической“.

деть миром. Такова непреоборимая сила марксистского метода, которым Ленин владел в совершенстве.

Он со всей силой своего темперамента обрушивался на тех, кто, быть-может, с грехом пополам и усвоил экономическую и историческую теорию Маркса, но не связал ее с ее основой, не выяснил себе ее философских корней, т.-е. диалектического материализма. Нельзя быть материалистом вверху (т.-е. в общественных науках придерживаться исторического материализма) и идеалистом внизу (т.-е. в отношении природы), как нельзя быть материалистом внизу и идеалистом вверху. Диалектический материализм представляет собою целостное мировоззрение, охватывающее как природу, так и общество. Ленин является ярким представителем этого мировоззрения. Каждый шаг его практической деятельности был неразрывно связан со всем его мировоззрением и освещался полным светом марксизма.

VI. Определение материи.

Установив, что мир есть движущаяся материя, отражающаяся в наших восприятиях, объективная, независимо от человека существующая реальность, действующая на наши органы чувств; выяснив далее соотношение между относительной и объективной истиной, равно как и значение практики, как критерия истинности и действительности нашего мышления, мы можем перейти к некоторым другим вопросам, имеющим также первостепенное значение для материалистической теории познания. Обратимся прежде всего к вопросу об определении материи.

Ваще определение материи, говорят махисты и другие противники материализма, ненаучно и сводится к простым повторениям. И они требовали, да и требуют еще поныне, «определения» материи. Очевидно, они хотели бы получить такое «определение», которое бы их удовлетворило. Но естественно, что такого определения материалист дать не может. В самом деле, к чему сводится весь этот спор? Материалисты утверждают, что материя есть первичное, а дух — вторичное, т.-е. некое свойство или состояние органической

материи. Это значит, что сознание, дух связаны только с определенными процессами в органической материи. «Различие между материализмом и «махизмом» сводится, значит, по данному вопросу к следующему. Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и в «фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением»[1]). Но махизм исходит как-раз из противоположного утверждения. Он принимает за первичное ощущения, из которых, якобы, образуются физические тела. Это противопоставление, резкое разграничение между двумя философскими направлениями, дает достаточно много для «определения» материи. Но какое значение имеет вообще «определение» материи? Ведь, очевидно, что если бы махисты и прочие идеалисты отказались от своих поистине с х о л а с т и ч е с к и х взглядов, согласно которым б е з с у б ъ е к т а, б е з н а ш е г о «я» н е с у щ е с т в у е т м и р а, согласно которым ч е л о в е к м ы с л и т б е з м о з г а, и с о з н а н и е и л и о щ у щ е н и е п о р о ж д а е т ф и з и ч е с к и й м и р,—если бы они отказались от этой мистики, находящейся в близком родстве с религиозными верованиями, то разногласия между махистами и материалистами сразу значительно сократились бы. Но в том-то и дело, что требуемые ими определения ни к чему, так как предмет спора очень ясен обеим сторонам. Обе стороны одинаково хорошо понимают, о чем идет разговор.

Но да не подумает читатель, что материалисты уклонялись от вопроса об определении материи. Вот что писал по этому поводу Ленин: «...самое небольшое размышление могло бы показать этим людям, что нельзя, по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное. Что значит дать «определение»? Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я под-

---

1) Н. Л е н и н. Собрание сочинений, т. X, стр. 30,

вожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это—предельно-широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду всегда возможных изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология»[1]).

Всякий мыслящий человек должен будет признать, что Ленин прав. Так именно смотрят на вопрос все материалисты. По этому же пути идет и наука. Бытие и мышление составляют противоположности, за пределы которых и дальше которых ни наука, ни гносеология не пошли. Или, выражаясь иначе: это самые общие и широкие понятия. И именно поэтому нельзя «определить» материю через другое, по необходимости более узкое, понятие. Это соображение до известной степени справедливо также и по отношению к «духу».

Но как ни бедно определениями последнее понятие (т.-е. понятие материи), оно тем не менее вполне «определяется». Мы уже подчеркивали в предыдущем отдельные моменты этого понятия. Они сводятся к следующему. Во-первых, материя есть первичное и все прочее—ощущение, сознание—составляет свойство или состояние материи, т.-е. «продукт очень высокого развития», как выражается Ленин. Ибо «естествознание положительно утверждает, что земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло. Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития»[2]). Во-вторых, материя есть объективная реальность, существующая вне и независимо от какого бы то ни было сознания. Ибо как только вы «привязываете» мир к сознанию, как только вы становитесь на ту точку зрения, что «среда», т.-е. внешний мир связан неразрывно с сознанием, с каким-либо «я», вы неизбежно становитесь на идеалистическую точку зрения. Но идеалистическая точка зрения находится в вопию-

[1]) Там же, стр. 118.
[2]) Там же, стр. 56.

щем противоречии с естествознанием. Всякая философская концепсия, противоречащая естествознанию, тем самым доказывает свою несостоятельность.

Далее, материя отражается в наших чувствах, т.-е. она познается нами посредством впечатлений, вызываемых ее действиями на наши органы чувств. У идеалистов, которые «привязаны» к духу, немедленно возникает сомнение насчет правильности этого тезиса. Ведь, действовать на наши чувства может и «дух». Так рассуждают они, если не вслух, то про себя. Но дело в том, что материя есть чувственная вещь; она непосредственно или же посредственно дана в чувствах. Поскольку речь идет об отражениях, об образах материального мира, то ясно, что между «материей» и ее «образами» существует определенное соответствие, некая однородность, по крайней мере, в отношении некоторых качеств, что не вызывает никаких сомнений.

Материи, утверждают далее материалисты, присуще движение, составляющее основную форму ее существования. Это также чрезвычайно важное «определение». Движущаяся материя есть то, что наполняет пространство. Или, иначе говоря, материя протяженна или пространственна и изменчива. Это значит, что время и пространство являются также основными ее «определениями». Все предметы в мире существуют «один вне другого и один после другого», как выражается Фейербах. Так как время есть понятие производное от движения, то оно предполагает наличность того, что движется. Пространство и время, говорит тот же Фейербах, предполагают наличность вещей, ибо пространство или протяженность предполагают ранее наличность чего-то, что протяженно, и время, движение, предполагает наличность того, что движется, ибо все пространственное и временное означает, что все протяженно и движется.

Не вдаваясь в дальнейший анализ «понятия» материи, мы на основании уже сказанного имеем право дать теперь более развернутое определение материи, которое будет гласить так: материя есть объективная реальность, существующая во времени и пространстве, действующая на наши чувства и в них отражающаяся. В более широком смысле, материя есть вся бесконечная конкретная совокупность «опосредство-

ваний», т.-е. отношений и связей. И конкретные научные дисциплины—математика, механика, физика, химия, биология и пр.—имеют дело с различными формами и ступенями «опосредствований», т.-е. процессов, отношений и связей все той же материи.

VII. Материализм и идеализм.

Таким образом, выходит, что не материя «привязана» к духу, а дух «привязан» к материи. Разум есть лишь незначительная «частичка природы, один из высших ее продуктов, отражение ее процессов». Мы знаем лишь человеческий разум. Идеалисты же стремятся превратить этот человеческий разум в «чрезмерный», т.-е. универсальный. И тогда природа превращается сама в частичку этого человеческого разума, «растянутого» в «чрезмерный», т.-е. абсолютный, разум. Не очевидна ли нелепость такого построения? Авенариус—основатель эмпириокритицизма или махизма — пытается устранить эту нелепость тем, что вводит понятие «потенциального» центрального члена, т.-е. мистического потенциального сознания. В самом деле, если среда, т.-е. внешний мир, неразрывно связана с сознанием, то как же существует мир, так-наз. «противочлен», по терминологии Авенариуса, в то время когда «центральный член» (сознание) еще находится в эмбриональном состоянии? Для спасения мира от исчезновения или, вернее, для спасения своей теории Авенариус и вводит понятие «потенциального центрального члена». Ленин вскрывает всю нелепость такой постановки вопроса. «Итак,—говорит он,—координация неразрывна. Утверждать это обязательно для эмпириокритика в целях спасения основ его философии, ощущений и их комплексов. Человек есть центральный член этой координации (т.-е. внешний мир существует лишь в неразрывной связи с человеческим сознанием. *А. Д.*). А когда человека нет, когда он еще не родился, то все же центральный член не равен нулю, он стал только потенциальным центральным членом! Можно только удивляться, каким образом находятся люди, способные брать всерьез такого философа, преподносящего подобные рассуждения!—восклицает с негодова-

нием Ленин.—И разве это не мистика,—продолжает Ленин,—не прямое преддверие фидеизма? Если можно мыслить потенциальный центральный член по отношению к будущей среде, то почему не мыслить его по отношению к прошлой среде, т.-е. после смерти человека?»[1]). От этого соображения Ленина нельзя отмахнуться контр-требованиями насчет «определения» материи. И разве Ленин не прав, когда он указывает, что эта «мистика» ведет прямым путем к теологии? На самом деле, такие теологические выводы делаются, если не Авенариусом и его русскими последователями, то главарями имманентной школы, напр., солипсистом Шуберт-Зольдерном и др. Ленин, вместе с другими нашими материалистами, отстаивает вполне правильно ту мысль, что принципиальной разницы между эмпириокритиками и имманентами нет, что они стоят все одинаково на идеалистической точке зрения.

Какова позиция имманентов на этот вопрос? «Вещь не может существовать независимо от нашего сознания; мы всегда примыслим самих себя, как разум, стремящийся познать эту вещь». Эмпириокритическая координация, конечно, ничем не отличается от этой софистики. «Софистика этой теории так очевидна, что неловко разбирать ее»,—говорит справедливо Ленин. Если мы «примыслим» себя, то наше присутствие будет воображаемое, а существование земли до человека есть действительное. На деле быть зрителем раскаленного, к примеру скажем, состояния земли человек не мог, и «мыслить» его присутствие при этом есть обскурантизм, совершенно такой же, как если бы стал я защищать существование ада доводом: «если бы я «примыслил» себя, как наблюдателя, то я мог бы наблюдать ад»[2]). К этому коренному софизму, состоящему в том, будто природа, материя не могут существовать независимо от мысли, сводится вся современная буржуазная философия. Этот софизм составляет стержень, центральный пункт почти всех течений школьной, т.-е. господствующей философии. Марксизм или материализм противостоит всем оттенкам и направлениям идеализма, как единственное философское напра-

---

[2]) Там же, стр. 57.
[1]) Там же, стр. 58.

вление, строго выдержанное в смысле научности и отрицания всех мистических и идеалистических уклонов, в какие бы одежды их «носители» ни рядились. Материализм не совместим со всеми этими «выкрутасами» и отметает их с корнем. Он борется и будет бороться с таким извращением марксизма и человеческой логики вообще. Ленин в качестве воинствующего материалиста всегда вел беспощадную борьбу с теми, кто несет «в массы философию, вплотную подходящую к фидеизму».

Итак, если верно,—а это несомненно верно,—что природа существует до сознания, то, значит, она и представляет собою первичное, а сознание или разум, составляющий, как правильно говорит Ленин, только частичку природы, есть продукт последней, т.-е. нечто производное и вторичное. Если доказано, что без мозга нет мысли, что мысль есть продукт высокоорганизованной материи, то тем самым опять-таки доказано уже, что дух не может быть первичным и не может породить из себя материи. Материализм исходит из признания существования вне нашего сознания вечно движущейся и изменяющейся материи. Идеализм, будучи последовательным, должен признавать, что мысль существует без мозга, а движение без материи. И действительно, «попытка мыслить движение без материи протаскивает мысль, оторванную от материи». Но с исчезновением материи исчезает и мысль, «с исчезновением мозга и нервной системы исчезли и представления и ощущения», исчезло все. Так мы благополучно добираемся до второй основной линии в философии, до идеализма, который считает первичным дух или мысль. Но оказывается, что реально нельзя себе и представить мысль существующей без материи, потому что никому еще не дано было видеть мысль без нервной системы и мозга. Стало-быть, остается одна лишь возможность «подведения» всего сущего, включая и сознание, под категорию материи. И материя представляет собою то высшее или последнее понятие или реальность, охватывающее всю совокупность явлений. «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологи-

ческого вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»[1]).

VIII. Пространство и время.

Проблема пространства и времени трактуется Лениным в том же материалистическом смысле, как и проблема материи. Материя представляет собою, с его точки зрения, объективную реальность, отражающуюся в наших ощущениях. Физическое понятие материи дает нам относительный образ этой объективной реальности. Все физические учения суть лишь приближения к объективной реальности. Они постоянно изменяются в зависимости от успехов человеческого знания. Поэтому приходится различать философское понятие материи и физическое учение о материи. Точно так же обстоит дело и с понятиями времени и пространства, которые являются для материалиста прежде всего не формами рассудка, а формами бытия, т.-е. объективными «категориями». «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени. Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности и внешнего мира[2]).

Одно дело—наши человеческие п о н я т и я времени и пространства, которые постоянно изменяются, и другое дело—действительное время и действительное пространство, которое существует объективно. Наши развивающиеся и изменяющиеся понятия времени и пространства не представляют собою чего-то такого, что не находится в зависи-

[2]) Там же, стр. 119.
[1]) Там же, стр. 143.

мости от реального пространства и времени. Напротив того, они являются отражением реального пространства и времени и приближениями к объективной истине. Если гносеология решает вопрос об источнике, происхождении и значимости всякого человеческого знания, то она и по этому вопросу должна дать ответ в том смысле, что источником наших понятий пространства и времени является объективная реальность, объективное пространство и время.

Ленин, в котором всегда говорит прежде всего политик, ненавидящий всей душой все, что так или иначе, прямо или косвенно, ведет к фидеизму и усилению реакционных течений, ядовито замечает, «что если время и пространство только понятия, то человечество, их создавшее, в праве выходить за их пределы, и буржуазные профессора в праве получать жалованье от реакционных правительств за отстаивание законности этого выхода, за прямую или косвенную защиту средневековой «бессмыслицы»[1]).

С точки зрения тех, кто признает время и пространство только человеческими понятиями, не человек существует в пространстве и времени, а время и пространство существуют в человеке. На этой идеалистической точке зрения стоят одинаково как Кант и его последователи, так и Мах с его сторонниками. Скажем ли мы, что время и пространство суть продукты «организующейся» человеческой мысли, или что они суть «упорядоченные» и гармонизованные системы рядов ощущений или формы человеческого созерцания,—во всех этих случаях мы остаемся на идеалистической точке зрения. Релятивизм, в отличие от диалектики, видит лишь изменчивые понятия времени и пространства, будучи неспособен связать их с объективной реальностью, рассматривать их как относительное приближение к объективной действительности. Поэтому для релятивизма каждая относительная «ступень» превращается в абсолют, покрывает собою как бы всю действительность. Правда, Мах отстаивает против Канта происхождение понятия пространства и времени из опыта. Но тогда необходимо признать, что в опыте дана нам объективная реальность, т.-е. объективное время и пространство. В про-

---

[2]) Там же, стр. 145.

тивном случае получается противоречие, которое состоит в том, что Мах и его последователи застревают на понятии времени и пространства. Но «если ощущения времени и пространства могут дать человеку биологически целесообразную ориентировку, то исключительно под тем условием, чтобы эти ощущения отражали объективную реальность вне человека; человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней». «Если в относительном, релятивном понятии времени и пространства нет ничего, кроме относительности, если нет объективной (=ни от человека, ни от человечества не зависящей) реальности, отражаемой этими относительными понятиями, то почему бы человечеству, почему бы большинству человечества не иметь права на понятие о существах вне времени и пространства?»[1]).

Словом, когда мы относительные понятия отрываем от объективной реальности, когда мы их метафизически рассматриваем в их раздельности и оторванности от действительности, то мы неизбежно приходим к идеализму. Ленин со всей страстностью и убежденностью защищает марксизм или материализм от всяких извращений. И опять-таки, помимо чисто-теоретических соображений, которые им приводятся для опровержения идеалистических взглядов, в каждой строке чисто-философских писаний Ленина чувствуется политический агитатор, ненавистник всякой эксплоатации, всякой поповщины и страстный борец за интересы «забитой массы человечества». Самые абстрактные проблемы рассматриваются им под углом зрения интересов пролетариата и развития социализма. И это правильно. Воинствующий материализм предетавляет собою мировоззрение, теснейшим образом связанное с «практикой» человечества. Он не является чем-то лишь-«теоретическим». Мы увидим ниже, как за каждым философским направлением Ленин видит борьбу идей, отражающих борьбу классов.

Оторвать учение Энгельса об относительности человеческих понятий времени и пространства от объективной ре-

---

[1]) Там же, стр. 149.

альности времени и пространства—значит превратить марксизм, представляющий целостную философию, «в окрошку». Это значит для Ленина извратить марксизм, скатиться к идеализму, ревизионизму и перейти в лагерь врагов рабочего класса. Основная же теоретическая ошибка релятивистов состоит в том, что они смешивают «изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя. Может стареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроне, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви. А философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства, так же нелепа, внутренне гнила и фальшива, как отрицание этих последних истин. Ухищрения идеалистов и агностиков так же в общем и целом лицемерны, как проповедь платонической любви фарисеями»[1]).

Резюмируя в этой части взгляды Ленина на материю, время и пространство, мы приходим к следующим выводам. При помощи различных органов чувст мы воспринимаем материальную действительность, объективную реальность. Из этих «относительных» восприятий человечество благодаря долгому историческому опыту и развитию, т.-е. практике, вырабатывает абстрактные понятия материи, пространства и времени; эти понятия не выдуманы нами; напротив того, им соответствуют объективные реальности, независимые от человечества и его опыта. Наш «опыт» и наше познание все более приспособляются к объективному пространству и времени (как и к объективно существующей материи. *А. Д.*), все правильнее и глубже их отражая»

---

[1]) Там же, стр. 152.

IX. Закономерность, необходимость и свобода.

Идеалисты объявляют субъективными формами сознания не только время и пространство, но и причинность, закономерность и необходимость. Материализм и в этом вопросе стоит на диаметрально противоположной точке зрения. Исходя из признания объективной действительности внешнего мира, материалист, конечно, вполне последовательно признает также и объективную закономерность, причинность и необходимость. И в отношении этой проблемы Ленин, в согласии с Энгельсом и диалектическим материализмом вообще, проводит различие между приблизительным отражением закономерности и причинности в наших понятиях и объективной закономерностью, являющейся источником наших понятий и всякого нашего познания. Мы вырабатываем абстрактные понятия из тех впечатлений и ощущений, которые доставляет нам внешний мир. С точки зрения материализма причинная зависимость находится в самих вещах, или, вернее, выражает определенное отношение между реальными вещами. Но махисты, как известно, пытались «элиминировать» категорию причинности, считая ее фетишем, и предложили заменить это вполне определенное понятие «функциональной зависимостью». Но, ведь, вопрос сводится совершенно к другому, и тут подменяется, по справедливому замечанию Ленина, вопрос об объективной закономерности вопросом о математической формулировке этого закона. «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в математической формуле, а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п. Вот что бесповоротно отделяет материалистов Фейербаха, Маркса и Энгельса от агностиков (юмистов) Авенариуса и Маха»[1]). Если же природа сама по себе не подчинена опре-

[1]) Там же, стр. 129.

деленной закономерности, если «закон причинности» представляет собою лишь свойство нашего ума, то почему природа подчиняется нашему разуму? Если между причиной и действием нет необходимой объективной связи, то почему бы не следовать причине за действием? Почему время, составляющее существенный «элемент» действительности и его закономерности, не обратимо? Когда Ленин писал свою книгу о материализме и эмпириокритицизме, он не мог предвидеть, что теория относительности, действительно, станет на такую точку зрения, по которой «после» и «раньше» могут меняться местами. Вовсе не обязательно, оказывается, чтобы я раньше родился, потом постепенно состарился и умер. С точки зрения теории относительности, я могу начать свою жизнь с конца и постепенно дойти до рождения. Эта софистика, опрокидывающая весь мир, всю жизнь и всю нашу практику, покоится на тех же гносеологических принципах, что и махизм, юмизм и пр. К счастью, дело обстоит в действительности несколько иначе. Время обратимо, быть-может, в фантазии, в мире отвлеченных понятий, но не в мире реальном. В этом все дело. Представьте себе, читатель, на минуту, что время, стало-быть, и история, и все процессы в природе потекли назад. Для кинематографа это возможно, но в действительности дело обстоит несколько сложнее. Трудно себе представить, каким образом следствие по времени может предшествовать причине. Однако, из теории относительности Эйнштейна такие мистические выводы делаются. Точно так же обстоит дело и с закономерностью и причинностью. Вопреки этой точке зрения, материализм будет отстаивать объективную, закономерную и необходимую связь между явлениями, между предшествующей причиной и следующим за ним действием. И материализм будет прав, потому что он стоит на почве конкретной и реальной действительности, а теория относительности имеет дело с чистейшими абстракциями, с математическими фикциями.

Что касается проблемы свободы и необходимости, то и тут Ленин стоит на точке зрения марксизма и проводит те же методологические и гносеологические принципы, что и в отношении проблемы времени и пространства, материи и причинности. Объективный мир и его законы вполне позна-

ваемы для человека, но никогда не могут быть им познаны до конца. Поскольку она не познана, необходимость является слепой. Но если необходимость слепа, т.-е. не познана, то откуда мы знаем о ее существовании? На этот вопрос Ленин отвечает: «Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды и постольку мы неизбежно—рабы погоды. Но, не зная этой необходимости, мы знаем, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний, которые миллионы раз показывают каждому человеку, что незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств, и наоборот: знание превращается в незнание, когда возможность такого действия устранена»[1]). Опыт научил нас видеть повсюду во всех явлениях природы необходимую связь. Если мы еще в известных случаях не познали этой необходимости, то мы знаем, что эти случаи не могут быть исключениями из всеобщего закона. Закон необходимости, подтверждаясь в бесконечном числе случаев, тем самым доказывает свою всеобщность. Значит, мы можем в данном конкретном случае еще не знать закона явлений, но мы твердо знаем, что закон или необходимость существует, потому что из «миллионов» случаев мы пришли к установлению всеобщего закона, охватывающего уже в том числе, так-сказать, отвлеченно и этот еще нам не известный случай. Поэтому, диалектически рассуждая, незнание не есть абсолютное незнание, а лишь относительное незнание. Незнание в том смысле, в каком мы это разъяснили, есть вместе с тем уже и знание,—знание общего абстрактного закона, который должен быть конкретно, в отдельных случаях, специально изучен, специально познан. Критерием истины является, как мы знаем, практика. Заставляя законы природы действовать для определенных целей, мы проверяем их правильность и объективность. Свобода состоит в знании этих законов и в возможности действовать на основании этого знания. Защищая «сальтовитальный» метод в филосо-

---

1) Там же, стр. 156.

фии, т.-е. прыжок от теории к практике, проверку теории практикой,—метод, который был выдвинут основоположниками марксизма, Ленин и указывает на это коренное отличие между марксизмом и буржуазной философией, которая «гнушается» практики и предпочитает оставаться всегда в эмпиреях абстракции, «чистой теории». «У Энгельса,—говорит Ленин,—вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая о б ъ е к т и в н ы й критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) н е з а в и с и м о от нашей воли и от нашего создания, мы—господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина»[1]).

X. Мышление и бытие.

Из изложенного ясно, в чем заключается различие между материализмом и идеализмом. Материализм утверждает, что природа, бытие составляет первичное и существует независимо от человека, что мышление является продуктом природы или материального мира. В связи с таким решением этого вопроса, возникает теперь новая проблема: как относятся наши мысли о мире к самому миру или: как относится мышление к бытию. Способно ли наше мышление познавать действительный мир, получать верное отображение его. Идеалисты, как Кант, утверждают непознаваемость мира, вырывают пропасть между «вещами в себе» или объективным миром и явлениями. Другие идеалисты, в роде Юма и Маха, совершенно отрицают существование вещей в себе, т.-е. внешнего мира. Но как, спрашивается, развивается человеческое познание? Вчера мы не знали, что в каменноугольном

---

[1]) Там же, стр. 156.

дегте существует ализарин. Сегодня мы узнали это. Из этого очевидно, что ализарин существовал в каменноугольном дегте и тогда, когда мы этого не знали. Если же Кант, говоря о вещах в себе, утверждает, что они принципиально недоступны знанию (а лишь вере), то он глубоко ошибается и высказывает явно нелепую мысль. Ибо, как мы видели на предмете ализарина, вещь в себе становится явлением, т.-е. вещью для нас, когда мы получаем об этой вещи известные ощущения. «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано»... Таким образом, «в теории познания, как и во всех областях науки, следует рассуждать диалектически,—говорит Ленин,—т.-е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[1]). Этот вопрос о познаваемости или непознаваемости мира в данной обстановке и при данном взаимоотношении общественных классов «странным» образом разрешается так, что буржуазная мысль отрицает познаваемость вещей в себе, внешнего мира, в то время, как пролетарская мысль и практика опирается на познаваемость объективного мира, считая возможным в принципе им овладеть. С одной стороны, нам предлагается школьной, буржуазной философией верить лишь в существование реального мира; с другой же стороны, материалистическая философия утверждает, что наше знание развивается из незнания, что это незнание носит лишь относительный характер и что живая человеческая практика, составляющая основу теории познания, доказывает нам ежедневно превращение «вещей в себе» в явления, т.-е. вещи для нас. В нашем познании субъективным, человеческим представлениям соответствуют реальные объекты. Точно так же и «практика человечества,—как выражается Ленин,—имеет не только феноменальное, но и объективно-реальное значение». «Познание человека отражает абсолютную истину, практика человечества, проверяя наши пред-

---

1) Там же, стр. 80.

ставления, подтверждает в них то, что соответствует абсолютной истине». Мы в своей практической деятельности изменяем не только явления, но и самые вещи, самое объективную реальность. В этом смысле наша деятельность, как и познание, имеет не только феноменальное, но и объективно-реальное значение.

Но вполне очевидно, что такого характера познание и практическая деятельность возможны лишь в том случае, если мы имеем возможность добраться до объективного мира, если наше познание составляет отражение действительности. Поэтому Ленин возражает против теории символов или иероглифов, по которой наши представления составляют лишь условные знаки вещей. «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то тем самым «подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких знаков или символов»[1]:

Ленин был совершенно прав в своем возражении против теории символов или иероглифов. Читатель знает, что Плеханов, вообще говоря, не стоит на иероглифической точке зрения и что он признал свою терминологию неправильной, ибо у Плеханова дело сводилось только к терминологии, но не к существу вопроса. Теория же символов, несомненно, ведет к идеализму. И Гельмгольц, который был сторонником теории символов, несмотря на сильную материалистическую струю в его философских воззрениях, действительно часто скатывался к идеализму. Когда знаменитый ученый пишет, что «идея и объект, представляемый ею, суть две вещи, принадлежащие, очевидно, к двум совершенно различным мирам», то он стоит на кантовской точке зрения, к которой он отчасти и примыкал. Действительно, такое противопоставление идеи действительности, явления объекту есть чистейший идеализм. Согласно этой точке зрения, ощущения являются только какими-то знаками, условными символами, совершенно отличными и различными

[1] Там же, стр. 195.

от реального мира вещей. Но если мир идей, т.-е. наших представлений, совершенно различен от мира вещей, то наше воздействие на мир совершенно невозможно, ни о какой практике не может быть и речи. Вопрос, стало-быть, сводится к следующему: являются ли наши ощущения и представления лишь знаком, условным обозначением для совершенно отличного мира вещей, или же они суть образы этого мира вещей. Если мы принимаем первую гипотезу, то устанавливаем принципиально непереходимую грань между явлениями и вещами в себе. Принимая вторую гипотезу,—говорит сам Гельмгольц,—мы становимся на реалистическую или материалистическую точку зрения. Гельмгольц вынужден признать, что «реалистическая гипотеза есть, несомненно, самая простая, какую только мы можем составить, испытанная и подтвержденная на чрезвычайно широких областях применения, точно определенная в своих отдельных частях и потому в высшей степени пригодная и плодотворная, как основа для действия». Очевидно, что материалистическая гипотеза, по мнению самого Гельмгольца, удовлетворяет всем научным требованиям больше и лучше, чем все другие гипотезы. Но если материалистическая точка зрения признает теорию образов, то надо при этом помнить, как правильно подчеркивает Ленин, что «изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело—изображение, другое дело—символ, условный знак. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается».

Махисты, с своей стороны, выдвигают свою теорию об отношении наших ощущений, представлений и мыслей к бытию. Отказываясь от теории символов и образов, они утверждают тождественность чувственного представления с реальной действительностью. Ленин одинаково боролся как против теории символов, так и против последней теории субъективного сенсуализма, противопоставляя им «материалистическую гипотезу». «Для материалиста реальное бытие лежит за пределами «чувственных восприятий», впечатлений и представлений человека, для агностика же за пределы этих восприятий выходит невозможно. «Сказать «чувственное представление и есть существующая вне нас действитель-

ность»,—говорит Ленин,—значит вернуться к юмизму или даже берклеанству, прятавшемуся в тумане «координации». Это—идеалистическая ложь или увертка агностика.... ибо чувственное представление не есть существующая вне нас действительность, а только образ этой действительности»[1]). И далее. «Земля есть действительность, существующая вне нас. Она не может ни «совпадать» (в смысле: быть тем же) с нашими чувственными представлениями, ни быть с ними в неразрывной координации, ни быть «комплексом элементов», в другой связи тождественных с ощущением, ибо земля существовала тогда, когда не было ни человека, ни органов чувств, ни материи, организованной в такую высшую форму, при которой сколько-нибудь ясно заметно свойство материи иметь ощущения»[2]).

Из изложения и разбора основных проблем теории познания для читателя, надеемся, ясно, как превосходно Ленин применял диалектику к гносеологии. Все основные вопросы теории познания получают у него чисто-диалектическое разрешение. Последняя противоположность материи и духа в области гносеологии является исходным пунктом для размежевания основных гносеологических направлений. В области гносеологии противопоставление материи духу означает противопоставление материализма идеализму. Затушевывать это различие было бы, разумеется, неправильно, от чего Ленин и предостерегает. «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»[3]).

Таким образом, различие материи от духа также относительно. И в данном случае, стало-быть, не следует мыслить метафизически. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направ-

---

[1]) Там же, стр. 90.
[2]) Там же, стр. 90.
[3]) Там же, стр. 119.

вение гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи духу, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»[1].

XI. Критика физического идеализма.

Своеобразие книги Ленина о «Материализме и эмпириокритицизме» состоит в попытке переработать новейшие достижения в области естествознания, главным образом, физики, с точки зрения диалектического материализма. Махизм Ленин рассматривает в связи с новой физикой. Он упрекает даже Плеханова, которого, вообще говоря, он ставит как философа, как представителя диалектического материализма очень высоко, за игнорирование этой связи при разборе махизма, ибо материализм с каждым составляющим эпоху открытием, как в области естествознания, так и в области истории человечества, изменяет свою форму. Особенность переживаемого кризиса в области физики состоит в том, что он наглядно показал относительность наших знаний.

Махизм и является философским выражением этого кризиса. Будучи совершенно незнакомым с диалектикой, махизм запутался в релятивизме, а через релятивизм докатился до своеобразного физического идеализма. «Меньшинство новых физиков,—говорит Ленин,—под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний,—скатилось, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму. Модный физический идеализм наших дней—такое же реакционное и такое же кратковременное увлечение, как модный физиологический идеализм недавнего прошлого»[2]. Но на стороне материализма пусть стихийно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей.

Ленин дает обзор физических теорий и связанных с ними гносеологических течений в английской, немецкой, французс-

[1] Там же, стр. 205.
[2] Там же, стр. 302.

ской и русской литературе. Повсюду он открывает два основных течения в области физики: стихийно-материалистическое и физико-идеалистическое. Физический идеализм в каждой стране скатывается к определенным господствующим спиритуалистическим и фидеистическим направлениям в области философии. Сущность физического идеализма состоит в отрицании объективной реальности, данной нам в ощущении и отражаемой нашими научными теориями. Стихийный же материализм, выступающий под разными названиями, как реализм, неомеханизм и проч., исходит из признания объективной реальности.

Физический идеализм рассматривается Лениным, как «некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии». Философский идеализм есть то общее, что объединяет физический идеализм всех стран. «Общего между ними «только» одно: философский идеализм, к которому они все, без исключения, к л о н я т более или менее сознательно, более или менее решительно. Возьмите философов, которые опираются н а э т у ш к о л у новой физики, стараются гносеологически обосновать и развить ее, и вы увидите тут опять-таки немецких имманентов, учеников Маха, французских неокритицистов и идеалистов, английских спиритуалистов, русского Лопатина, плюс единственный эмпириомонист А. Богданов. Общего между всеми ими только одно, именно то, что они все более или менее сознательно, более или менее решительно, с крутым ли и торопливым уклоном в сторону фидеизма, или с личным отвращением к нему (А. Богданов), проводят философский идеализм»[1]). Философский идеализм, таким образом, опирается на физический идеализм; последний же неизбежно переходит в философский идеализм. Так создается некий союз, или, выражаясь по-современному, с м ы ч к а между реакционными течениями в философии и идеалистическим направлением в физике.

Физический идеализм порождается, с одной стороны, самым развитием физики. Математическая физика ведет к

---

[1]) Там же, стр. 256.

замене материи математическими уравнениями. Ленин приводит по этому вопросу мнение А. Рея, которое превосходно объясняет и иллюстрирует этот процесс абстрагирования от физической действительности, который мы видим ныне и в теории относительности. «Кризис физики,—говорит А. Рей,—состоит в завоевании физики духом математики. Прогресс физики, с одной стороны, и прогресс математики, с другой, привели в XIX веке к тесному сближению этих обеих наук... Теоретическая физика стала математической физикой... Тогда начался период формальный физики, т.-е. математической физики, ставшей чисто-математическою,—математической физики не как отрасли физики, а как отрасли математики. В этой новой фазе математик, привыкший к концептуальным (чисто-логическим) элементам, составляющим единственный материал его работы, и чувствуя себя стесненным грубыми, материальными элементами, которые он находил недостаточно податливыми, не мог не стремиться к тому, чтобы возможно больше абстрагировать от них, представлять их себе совершенно нематериально, чисто-логически, или даже совсем игнорировать их. Элементы, в качестве реальных, объективных данных, т.-е. в качестве физических элементов, исчезли совершенно. Остались только формальные отношения, представляемые диференциальными уравнениями [1])...

Математическая физика, в отличие от экспериментальной, имеет дело с математическими формулами, с диференциальными уравнениями, заменяющими тела или физические элементы. Эти абстракты, т.-е. математические уравнения, принимаются за конкретные образы, за самое действительность. Уравнения становятся на место материи. Естественно, что таким путем приходят к математическому или физическому идеализму. Путь математического познания по самому существу есть восхождение от конкретного, физического мира к абстрактным, чисто-логическим, нематериальным «категориям» или формулам. Каждая научная дисциплина до известной степени односторонняя, выражает лишь абстракцию, отвлечение от подлинной конкретной действительности. Если

[1]) Там же, стр. 259.

ученый или исследователь это забывает, если он свои абстракции принимает за конкретную действительность, отождествляя ее с ними, то он неизбежно впадает в заблуждение.

Вторую, основную причину, породившую физический идеализм, Ленин справедливо видит в принципе релятивизма. Незнание диалектики имеет своим последствием отрыв относительных истин от объективной реальности. Далее, Ленин подчеркивает то обстоятельство, что «физический идеализм» присущ не всему современному естествознанию, как это обыкновенно уверяют сторонники Маха, а лишь одному направлению естествознания в одной только физике. Но стихийный материализм, которого так или иначе придерживается большинство естествоиспытателей, неизбежно идет, хотя и косвенными путями, к сознательному диалектическому материализму.

В общем и целом Ленин справедливо видит за каждым философским вопросом, выдвигаемым современной физикой, б о р ь б у м а т е р и а л и з м а и и д е а л и з м а. «За кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили д в е основные линии, два основных направления в решении философских вопросов». Подобно тому, как в политике в общем существуют только два основных лагеря, так и в философии Ленин видит только две партии, два основных направления— материалистическое и идеалистическое. И подобно тому, как мелкая буржуазия и ее партии постоянно колеблются между буржуазией и пролетариатом, так и «мелкобуржуазные» направления в философии примыкают то к материализму, то к идеализму, оставаясь по существу все же на позиции идеалистической. Реалисты, позитивисты, махисты представляют «п а р т и ю с е р е д и н ы в философии, путающую по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направления». Правда, махисты хвалятся своей беспартийностью, пытаясь «подняться выше» материализма и идеализма, преодолеть это устарелое противоположение посредством словечка «опыт» и пр. Но это только жалкие потуги; выскочить из этих двух направлений в философии невозможно. Поэтому на деле махисты ведут борьбу с материализмом и мирно уживаются с идеализмом.

Философия в современном классовом обществе так же партийна, как и политическая экономия или всякая идеология вообще. Поэтому борьба направлений в философии отражает в последнем счете тенденции и борьбу различных классов. «Новейшая философия,—говорит Ленин,—так же партийна, как и две тысячи лет назад». Основными борющимися партиями являются материализм и идеализм. «Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности»[1]).

Так воинствующий материализм Ленина из области теории, философии переходит непосредственно в политику. Конкретное применение Лениным метода диалектического материализма к различным проблемам экономики, политики, тактики и проч. представляет большой интерес, но на анализе этих вопросов мы, к сожалению, лишены возможности остановиться в этой связи.

XII. Марксизм и современная действительность.

Буржуазные критики марксизма часто указывали на то, что у Маркса нет солидных филосовских трудов, которые дали бы им возможность причислить его к их цеху. Однако, если Маркс не был философом в школьном смысле слова, то кто ныне станет отрицать, что этот гений является величайшим мыслителем, и что он мог совершить переворот в науке именно потому, что пренебрег школьной схоластической мудростью и отнесся с нескрываемым презрением к официальным служителям науки. Ни один мыслитель не оказал никогда такого огромного влияния на жизнь подлинных народных масс, как Маркс, создавший единственное в своем роде научное мировоззрение, пропитанное жизнью, т.-е. практикой в истинном смысле слова.

---

[1]) Там же, стр. 303.

Десятки миллионов людей проникаются постепенно этим мировоззрением и жизнепониманием. Это мировоззрение выросло из жизни и ее условий; оно составляет обобщение действительности и гениальный синтез реальных отношений, а не высосано из чистого разума, как это делают все идеалисты. На нашей эпохе лежит печать творческой мысли Маркса, потому что его мысль облечена плотью и кровью самой жизни. И для всякого, кто умеет мыслить, очевидно, что дальнейшая история будет подтверждать правильность его прогноза относительно исторических судеб человечества.

Мы могли бы показать, как некоторые современные патентованные и дипломированные философы, под влиянием пережитого кризиса мировой войны и надвигающейся пролетарской революции, особенно в странах побежденных, начинают принимать отдельные положения марксизма, облекая их, разумеется в соответствующий метафизический костюм. Эти философы неспособны усвоить марксизм, потому что они принадлежат к буржуазии и враждебно относятся к пролетариату. Но вместе с тем их колебания имеют огромное симптоматическое значение: они свидетельствуют о крушении и разложении старого миропонимания. Мировоззрение господствующего в современном обществе класса бессильно. Оно не способно творить жизнь. Между тем, как марксизм или материализм, рассматривающий все многообразие явлений природы и общества с единой точки зрения, представляет собой вместе с тем теорию крушения старого и создания нового общества.

Ленин—самый крупный мыслитель современной эпохи, ибо мыслителем, с нашей точки зрения, является тот, кто в данную историческую эпоху выражает ее существенные «черты», ее движение, ее потребности, кто поднимает сознание на высшую ступень, кто ведет за собой массы к лучшему будущему, кто развязывает назревшие революционные силы и кто осуществляет ту действительность, которая уже реальна, но которая еще должна быть освобождена от старой оболочки, ее окутывающей и связывающей. Для такой деятельности,—а марксизм и является учением действенным,—требуется и соответствующая теория. «Величайшее в мире освободительное движение угнетен-

ного класса,—говорит Ленин,—самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света». Поэтому марксистский материализм, вся марксистская философия есть не что иное, как революционная критика всей совокупности общественных отношений. Если дипломированные философы придут в ужас от такой «профанации» «божественной мудрости», то мы можем указать им на великого Гегеля, который никак не может быть заподозрен в приверженности к материализму и который, видя во французской революции величайшее событие мировой истории, величественный восход солнца, восхваляет материалистическую и атеистическую философию XVIII века за ее разрушительную и сокрушительную критику тогдашнего общественного строя и связанной с ним идеологии, ибо идеология, ведь, есть часть—пусть идеологическая—данной действительности.

Что же такое философия (т.-е. вообще теория)? И Гегель дает на этот вопрос любопытный ответ: философия (теория), как наука о действительности, по самому существу своему есть критика существующего. Так как мировой дух (т.-е. понашему прогресс, развитие) никогда не останавливается, а совершает свое победное шествие вперед, то философия, являющаяся отражением в сознании объективной действительности, приходит в противоречие с самой действительностью, которую она должна подвергнуть всесторонней критике с точки зрения нового принципа или, как выражается Гегель, с точки зрения «новой формы жизни духа». Поэтому Гегель, уточняя свой взгляд на развитие философии и роль философов, заявляет, что при всяком сдвиге мировой истории присутствовали философы. Они принимали и должны принимать живое и непосредственное участие в разрушении старого порядка и старой идеологии. «Самыми опасными, самыми последовательными и решительными революционерами являются философы»,—говорит Гегель. Надо сказать, что Гегель до известной степени прав, но только до известной степени.

Когда на историческую арену выступает новый обще-

ственный класс, то он выдвигает своих мыслителей, своих теоретиков, которые играют революционную роль в смысле отрицания старой идеологии и отживших общественных отношений. Они выдвигают новый принцип, т.-е. новое мировоззрение, с высоты которого и критикуют данный им мир. Критика эта затрогивает обычно не только общественные отношения, социальный мир, но и всю совокупность явлений. Критические эпохи непосредственно связаны с переоценкой всех ценностей. Великий мыслитель тем и велик, что он выдвигает новый принцип, новые методы знания, диктуемые развитием общественной жизни. Эти методы и принципы распространяются на всю природу в целом, так как каждый общественный класс имеет тенденцию из своего «принципа» создать целостное мировоззрение. В этом смысле философы являлись часто в истории революционерами. С другой стороны, ни одна революция не совершается без определенной теории и идеологии, в которой идеальным образом отражаются и формулируются отношения действительности. Но было бы, конечно, неправильно утверждать, что философы вообще всегда являются самыми последовательными и решительными революционерами. Ведь, и отмирающие классы выставляют своих философов, т.-е. идеологов, теоретиков, которые цепляются за старое и всячески его оправдывают и обосновывают. Таким образом, приходится различать мыслителей отживающего и мыслителей нарождающегося нового мира. Эти последние, несомненно, являются всегда передовыми вождями, ведущими человечество вперед и уж по тому самому резолюционерами. Их теории насыщены, по возможности, научным содержанием, ибо они выражают потребности развития производительных сил данной эпохи и соответствуют достигнутой обществом ступени технических и теоретических знаний.

Но если «опасными революционерами» являются иногда философы, то нет сомнения, что настоящими философами, преобразующими мир, а не изобретающими ту или иную систему, являются великие революционеры. Творчество, т.-е. преобразование мира и философия, т.-е. всеохватывающая теория, находятся во взаимной

тесной связи. Великое освободительное движение рабочего класса, как говорит правильно Ленин, невозможно без революционной теории, без революционной философии. Всякая философия нового класса в этом смысле по самому существу своему революционна.

Сова Минервы начинает свой полет в сумерки,—говорил Гегель. Когда существующий мир начинает давать трещины, когда на историческом горизонте явственно обозначается закат старого мира, когда действительность обнаруживает с некоторой определенностью свои внутренние противоречия, тогда вылетают мудрые совы и начинают свою разрушительную работу. Бытие предшествует сознанию. Разъедающая критика сознания начинается тогда, когда действительность сама себя уже в значительной степени подвергла «самокритике» в смысле саморазложения. «Философы» приходят слишком поздно, если иметь в виду спасение существующего мира. Но если их приход имеет задачей своей критику и разрушение существующего мира, то они приходят как-раз во-время, именно в сумерки. Приход Маркса означает для капиталистического мира начало его заката, начало его гибели. Мудрая сова в его лице предрекла смерть современному обществу, основанному на рабстве труда, на эксплоатации человека человеком. С тех пор настоящими революционерами являются лишь пролетарские мыслители, которые действительно «присутствуют» при великом сдвиге всемирной истории.

Маркс разрешил проблему взаимоотношения теории и практики. В нашу эпоху, в эпоху монополистического капитализма или империализма, Ленин, продолжая традицию марксизма на высшей стадии развития того же капиталистического мира, приближающегося уже к своему закату, вместе с пролетариатом как бы провозгласил, что честь теоретического принципа требует его практического осуществления, как выражается Гегель, ибо в самом теоретическом принципе уже заложено практическое отношение. Теория должна доказать свое призвание к господству над миром тем, что одерживает практическую победу, она должна обнаружить свою истин-

ность, свое «право» «на власть» на практике. Без этого она уподобляется бесплодной смоковнице.

В огне мировой катастрофы буржуазная философия и все ее теории потерпели полное крушение. Наиболее вдумчивые представители буржуазной мысли начинают понимать, что только марксизм выдержал великое испытание, что каждый день приносит новые доказательства правильности научных предсказаний Маркса, сделанных 75 лет назад. Но, будучи неспособны, вследствие классовой слепоты, признать и принять марксизм, они отмахиваются от него всевозможными заклинаниями.

Великие исторические события захватили буржуазию и ее мыслителей врасплох. Грош цена тем теориям, которые неспособны предвидеть будущие судьбы человечества и тенденции его развития. Буржуазная мысль по самому существу своему должна была потерпеть крах, ибо, во-первых, она пренебрегла историей, во-вторых, она устроилась практически и, стало-быть, теоретически в этом мире так, как-будто ей предстояла вечная жизнь. На сверх-историческом фундаменте, на фундаменте вечности она и строила свои философские системы, свое мировоззрение. Она отстаивала неизменность общественных форм и разрабатывала вечные нормы и истины, которых не должно касаться дыхание вечно-текучей жизни, дыхание времени.

Некогда буржуазия посадила на трон богиню разума, которая продолжает царствовать и поныне в ее умах. Эта богиня является единственной законодательницей. На нее категория времени, якобы, не распространяется. С тех пор вся почти философия буржуазии строилась на природе отвлеченного разума. Сознание и его вечная, неизменная природа служила главным предметом интереса мыслителей. Само бытие, вся действительность были заключены в границы сознания, как в темницу, откуда не было выхода на вольный воздух бьющей ключом жизни. В своем мышлении она останавливалась у самого порога действительности и не отваживалась на опасный прыжок в бурные волны жизни. Этот идеализм в мышлении не мешал в то же время буржуазии практи-

чески строить жизнь и своей деятельностью подготовить условия своей собственной гибели. Таков внутренний разлад буржуазной культуры.

Философия стала знанием знания. Она занималась преимущественно исследованием природы сознания, логической структурой разума. Это философское направление ориентируется преимущественно на математические и логические науки. Это течение мысли проникнуто наивной верой, что все проблемы разрешаются посредством безвременной мысли, так как сознание включает в себя бытие. Абсолютная истина есть выражение этого не подверженного времени сознания, в котором заложены незыблемые законы морали, государственной жизни, искусства и проч. Бесплотный логос витает над землей. Истинное «рассуждение» способно, мол, доставить истинное познание о мире. Человек познает мир посредством понятия, посредством чистой мысли. И то, что отлично от мысли или идеи, мир материальный, есть ложь. Все науки, все знание, по этому воззрению, вырастают из логики. Априорная логика возвышается над временным эпирическим потоком явлений. Принципы ее суть прочные, вечные сваи, на которых зиждется все здание современной науки, как и реальные формы жизни; только мышление, заявляют они, может произвести то, что должно иметь значимость как бытие. В мышлении они ищут и находят не только знание предмета, но и предмет знания. В этом отношении одинаково сходятся марбургская, баденская и геттингенская школы в философии.

В противоположность логистам и абсолютистам, так-называемые релятивисты стоят на почве психологизма. Это течение может быть охарактеризовано как мелкобуржуазное направление в философии, что уже правильно было указано Лениным. С точки зрения релятивизма и феноменализма, действительность нам недоступна. Мы скользим по поверхности действительности, как тени, и не способны проникнуть в ее объективную природу. Вопрос об истинности наших представлений и идей решает не качество логического понятия, как у логистов, а качество переживания субъекта. Мир сам по

себе представляет собой некий первобытный хаос. Только человек организует, так-сказать, природу. Релятивизм ориентируется на психологию и биологию. В лице Файгингера современный релятивизм приходит к выводу, что все наше познание лишено объективного содержания и составляет совокупность фикций. Истина представляет собой, по словам Файгингера, лишь «целесообразное заблуждение». Таким образом, фикция, т.-е. ложь, сознательно возводится в истину. Материя, внешний мир, ожесточенная классовая борьба, революционные бури — все это сплошные фикции. Однако, известные фикции имеют определенную практическую ценность,—и только в этом и заключается их подлинный смысл,—поскольку они полезны человеку, т.-е. определенному классу.

Оба кратко охарактеризованных направления философской мысли стоят на почве отрицания материальной действительности, необходимости преодоления материи (материализма) и освобождения от духа «тяжести» объективного мира, как остроумно выражается один писатель по другому поводу. Объекты давят на человека всей своей тяжестью, заставляют с собой считаться, а идеализм, вопреки этому, заявляет, что он не согласен признать за ними никакой реальности, что он отрицает существование каких-либо объективных законов природы и истории.

Достижения в области естествознания, в частности физики, с одной стороны, и революционные потрясения в обществе, с другой стороны, должны убедить всякого не ослепленного еще окончательно схоластикой, что утверждение о неизменности природы и общества представляет собой вздор; чувствительные толчки, исходящие от объективного мира, должны были бы пробудить от состояния идеалистического сомнабулизма самого закоренелого субъективиста. На самом же деле эти явления толкают их еще больше в объятия феноменализма и идеализма по той простой причине, что буржуазная мысль определяется особыми условиями действительности, делающей для нее невозможным усвоение самых простых истин.

XIII. Марксизм и история.

Диалектический материализм или марксизм есть единственная научная теория, которая находит путь к действительности. Материализм не отрывает познания от жизни. Своеобразие марксизма, в отличие от логизма и психологизма, состоит в том, что он ориентируется преимущественно на историю. В сущности говоря, мы знаем только одну единственную науку,—писал Маркс в «Немецкой Идеологии»,—а именно науку истории, которая подразделяется на историю природы и историю людей. Историзм составляет отличительную черту марксизма, а общественная жизнь составляет центральную его проблему. Именно практическая жизнь людей впервые стала в марксизме основным содержанием теории; мировоззрение имеет свои последние корни и основание в практической деятельности, в культурном творчестве, в общественно-исторической жизни.

Марксизм не знает постоянных сомнений в познавательных способностях человека; класс, призванный историей к строительству жизни, к организации ее, не может, естественно, декларировать бессилие науки, как это делают представители буржуазной философии. Пролетариату присущ здоровый творческий оптимизм. Он не удовлетворяется созерцанием жизни, он разрушает старую и создает новую жизнь. Здесь нет места разрыву между теорией и практикой, как нет отказа от овладения миром и проникновения в его тайны. Мир насквозь познаваем. И если представители старого мира с грустью заявляют, что «история есть великая неудача», то идеологи пролетариата знают, что гибель одной общественно-исторической формации означает рождение новой, что исторический процесс есть беспрерывное восхождение от низшей ступени на высшую, что человек будет овладевать этим миром, и что культура преобразовывает самое природу и накладывает на нее свою печать. За разрушительной деятельностью следует деятельность созидательная, ибо в отрицании заключается утверждение. В

живом диалектическом процессе природы, как целого, историческая жизнь человечества составляет часть всеобщего процесса вселенной.

Исторический процесс отличается устремленностью к будущему. Предметом истории является не только прошлое, но и будущее. Настоящее не только исчезает в невозвратном прошлом, но оно обращено лицом своим к будущему; оно беременно будущим. История есть становящееся будущее, постоянно вливающееся в настоящее. Настоящее же течет в будущее. Настоящее есть «результат прошлого и залог будущего». Время является основной категорией истории, как и жизни вообще. И именно поэтому, т.-е. именно потому, что все изменяется, существует вообще история. В этом смысле и надо понимать Маркса, когда он говорит об единственной науке—истории. Но человеческая история есть часть истории природы. Всепожирающему и одновременно всеоживляющему потоку времени и процессу изменений одинаково подчинено все сущее. Нет диалектики без времени, так как оно составляет абстрактную форму всякого изменения.

История по самому существу своему революционна, ибо она есть и связь с прошлым, и разрыв с ним. Реакционные и консервативные мировоззрения связаны с прошлым, они отрицают будущее. Революционное мировоззрение связано всегда с будущим, есть прорыв в будущее и «разрыв» с прошлым. Всякий рационализм и абсолютизм в области философии и теории проявляется в независимости устанавливаемых истин от времени, чем они приобретают абсолютный и вместе с тем абстрактный характер. В историческом же аспекте всякое учреждение и все существующее имеет лишь относительную ценность. Ничто не может быть оторвано от исторических, т.-е. конкретных условий, и все имеет преходящее существование. В основе диалектического материализма лежит великая основная мысль о том, что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки—понятия, находятся в беспрерывном изме-

нении: то возникают, то уничтожаются[1]). Марксизм историчен по самому существу своему, а Ленин является историческим мыслителем в глубочайшем смысле этого слова. Вся его деятельность проникнута насквозь историческим «духом».

В своей исторической жизни человек создает некий самостоятельный мир. Религия, право, искусство, философия, наука, хозяйство и пр., т.-е. то, что составляет предмет так-наз. «наук о духе», является произведением коллективного человека. В этом заключается их отличие от предметов природы или самой природы. Созданные деятельностью людей, эти продукты отчуждаются от них и противостоят им, как объективные реальности, как некий самостоятельный мир. До поры до времени люди полагают, что все это создано какими-то высшими силами, стоящими над людьми и над обществом. Марксизм низвел религию, метафизику, право—весь этот духовный мир—с заоблачных высот на землю и дал им материалистическое объяснение. Люди, развивая свое материальное производство, развивают и изменяют в этой своей деятельности свое мышление и продукты своего мышления,—как говорит Маркс. Все содержание исторической жизни и деятельности людей сводится к изменению природы, к беспрерывному преобразованию ее и к соответственному изменению «духа», т.-е. всей идеологии. Таким образом, вся идеология является продуктом истории, и на каждой данной ступени—результатом определенного отношения человека к природе и людей друг к другу. История становится при таких условиях центральной проблемой всякого научного мировоззрения. Все учреждения и виды идеологии науки суть продукты истории (в том числе и логика, математика, психология, биология). Человек ведет историческую жизнь, в этом его огромное преимущество перед всеми другими созданиями природы. Время представляет собой своеобразную категорию. Оно есть вечно движущееся колесо космоса; оно необратимо, в чем и заключается «гарантия» развития.

---

1) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 62

Гегель перенес центр тяжести философии из естествознания в общественно-историческую жизнь. Культура, в широком смысле слова, стала для Гегеля основной проблемой. Историческая действительность представляет собой, в сравнении с природой, высшую форму бытия, ибо всякое бытие обнаруживает свою истинную природу, свою внутреннюю сущность в становлении. Но культура есть преобразование природы посредством коллективного труда. Если верно, что природа только тогда могла породить из своих недр человека, когда создались условия для человеческой жизни, то культура означает изменение природы посредством техники, приспособления ее к человеческим нуждам и потребностям.

Проблема об отношении субъекта к объекту разрешается не путем созерцания, а путем практического овладения объектом. Только посредством труда, деятельности человек раскрывает сущность вещей, проникает в тайну бытия. Победа субъекта над объектом достигается техникой, трудом. Философы полагали, что наше отношение к миру исчерпывается мышлением. Ныне мы знаем, что истинное отношение наше к миру состоит в деятельности. Мы живем не для мышления, а для труда, для деятельности. Кто не трудится, тот стоит вне культуры, вне истории. Мир существует не как объект размышления только, а как объект труда. Само мышление является средством к деятельности и ее продуктом. Мышление следует за деятельностью, оно является ее орудием. Историческая действительность есть часть бытия вообще, ибо бытие охватывает как природу, так и историю. И подобно тому, как бытие познается через сознание, а сознание через бытие, так природа, будучи объектом деятельности человека, раскрывает свои тайны через историю. Со времени Маркса проблема исторического мира составляет центральную проблему жизни и философствования, ибо в исторической действительности концентрируются, как в фокусе, все наше отношение как к природе, так и духовному миру,—вся жизнь.

Некоторые философы из буржуазного лагеря мечтают о повороте в сторону «историзма». Они говорят о необ-

ходимости построения мировоззрения на почве истории, ибо проблема истории, как выражается один из таких философов, «стала роковым вопросом всего нашего существования». В технике они почувствовали «дыхание философии и музыки». В самом деле, буржуазный мир, казалось бы, застраховал себя от неизбежных революций тем, что его мыслители объявили мир неизменной системой вечных и разумных отношений. Но когда почва под ногами буржуазного мира стала колебаться, когда начались социальные катастрофы, тогда идеологи старого мира вспомнили, что они проглядели историю. Но история против них: история обращена к ним спиной. История на стороне прогресса, на стороне революции, на стороне рабочего класса. Лицом своим она обращена к пролетариату, который призван ею освежить и омолодить человечество. Поэтому история поистине приобретает роковой характер для существования буржуазии. Признать историю значит отказаться от взгляда, по которому наш эмпирический мир объявляется обманчивой видимостью, ложью, а истинной действительностью—вечные и неизменные понятия или идеи. Признать историю значит подписать себе смертный приговор.

Мелкобуржуазный релятивизм диктуется, помимо переживаемого кризиса физики, как это указывает Ленин, еще и социальными причинами. Мелкая буржуазия в эпоху развитого капитализма отрывается от почвы действительности. В мире нет ничего устойчивого, ничего разумного. Он представляет собой хаос, который необходимо как-то организовать. Мелкая буржуазия не находит в этом мире никакой логики, никакой закономерности. Объективный исторический процесс заменяется и подменивается потоком психических переживаний.

Марксизм преодолевает рационализм и беспочвенный релятивизм. Диалектический материализм есть по преимуществу мировоззрение историческое. Природа бытия, всего существующего раскрывается на путях его возникновения, т.-е. его исторического развития, так как мир постоянно изменяется, а не является чем-то мертвым, застывшим и готовым. Мировая история есть особая форма

мировой эволюции. История, таким образом, составляет форму существования всей вселенной. Если это так, то она становится основной научной дисциплиной.

История людей имеет своим содержанием деятельность людей, поскольку она выражается прежде всего в производстве материальной жизни. Для Гегеля хозяйство, экономика представляли необходимую ступень в развитии идеи. Тем самым экономика была введена им в систему разума. В литературе было, между прочим, указано, что понятие труда составляет метафизический принцип всей системы Гегеля. Непосредственность, в которую дух сначала погружен, преодолевается трудом. История есть собственно царство труда, ибо при помощи труда совершается процесс развития, т.-е. восхождения на высшие ступени культуры. Но Гегель не был способен проникнуть в природу хозяйства, где диалектика для него перестает действовать. Гегель не видел внутренней жизни и развития хозяйства, хотя он лучше других своих современников понял вообще его значение. В то время как диалектика в других сферах обнаруживает внутреннее неустройство действительности, в то время как искусство, религия и философия подвержены диалектическим превращениям, т.-е. идеальные продукты истории не даны в законченном виде, то экономически-технический базис исторической и общественной действительности представлялся Гегелю законченным и не нуждающимся в дальнейшем коренном преобразовании. Во всяком случае, хозяйство стало для Гегеля философской проблемой. Но истинным философом социального мира, философом труда стал Маркс. Он возвел труд во всемирно-исторический принцип, в принцип мировоззрения. В известном смысле труд составляет принцип диалектики, ибо диалектика предполагает имманентную «работу» вещи. Маркс установил, что уровень развития хозяйства, развитие производительных сил составляет движущий фактор культуры, что содержание истории есть развитие хозяйственных форм, и что наука, философия, искусство образуют ветви или части этой исторически обусловленной и развивающейся материальной культуры. Значение хозяйства не исчерпывается удовлетво-

рением наших материальных потребностей, но оно является средством человеческого общества овладеть природой, стать господином ее. Хозяйство есть великое объективное творение организованного и объединенного человечества. И в этом творении, в этом деянии все человеческое познание, все науки имеют свое последнее основание. Вместе с тем Маркс поднял на философско-теоретическую высоту конкретную общественную практику. Именно практическая жизнь, практическая деятельность человека впервые становится предметом—и самым важным предметом—теоретитической работы мысли. Здесь объект не противостоит субъекту, как нечто чуждое; субъект его формирует и изменяет. Сам же субъект, т.-е. человек, изменяется вместе с изменением внешних объектов—природы. Производство материальной жизни служит связью между объектом и субъектом, между природой и обществом.

XV. Материализм, коммунизм и новый человек.

Очередной «сдвиг» всемирной истории, стало-быть, совершается ныне под знаменем диалектического материализма, под знаменем марксизма. Буржуазные теории потерпели крах, не будучи в состоянии понять хода истории, ни предвидеть исторические события. Это объясняется тем, что буржуазия неспособна уже руководить жизнью, что она сама отошла уже в область истории. Ей не принадлежит завтрашний день, хотя она и может еще временно держаться на поверхности истории. «Наука есть пророчество,—говорит Ленин,—но пророчество, основанное на опыте». К такому научному пророчеству буржуазные идеологии и философы неспособны, ибо пророчество имеет дело с будущим, а будущее не принадлежит буржуазии. Она цепляется за прошлое и настоящее. Она грезит о том, чтобы остановилось время, чтобы прекратилась история, и поэтому ей нужны сверх-исторические, сверхвременные, вечные истины. Но в вечные истины возводятся ею временные, исторически-ограниченные формы сознания и жизни. Пролетариат рвется в будущее; он берет

приступом посредством революционной борьбы это будущее, которое принадлежит ему одному. Поэтому мировоззрение пролетариата, будучи историческим в выше развитом уже смысле, ориентируется, исходя из всей совокупности условий настоящего, на будущее, на коммунизм, который, по выражению Маркса, не является состоянием, а реальным движением.

Немецкий философ Фихте говорил, что философия имеет ценность и значение лишь постольку, поскольку она является орудием против несправедливостей общественного строя. Так говорил великий революционер накануне буржуазной революции в Германии. Недаром Фихте относился восторженно к французской революции, оправдывая даже террор якобинцев.

Некогда в Греции, напр., философами называли великих основателей государств. Ныне же считают философом «основателя» системы и писателя на философские темы. Но, очевидно, что истинным философом в пролетарском смысле является тот, кто делает что-нибудь существенное для прогресса человечества и, главное, для освобождения человечества от рабства, тот, словом, кто не только размышляет о природе и истории, но и творит историю, являясь тем самым участником и мирового процесса. Так как только организованный и объединенный труд освободит человечество от рабства и даст ему возможность овладеть силами природы, то, очевидно, что деятельность в этом направлении является самой благородной и возвышенной. И кто работает над лучшей организацией человеческого общества, над его изменением, тот творит культуру, тот является творцом жизни, т.-е. мыслителем в высшем значении этого слова.

Мы видели, что, по Гегелю, новая философия, т.-е. новое понимание действительности, новая «форма духа», как сказал бы он, или новая форма общественного сознания рождается на закате определенной общественной формации. Это новое сознание предпринимает работу критики и разрушения той формы действительности, которая обречена историей на слом. Новая форма сознания, или идеология, является продуктом той же самой

общественной формации, но вместе с тем и ее memento mori. В нашу эпоху самым ярким, последовательным и бесстрашным выразителем нового назревшего общественного сознания, а стало-быть, новой нарождающейся формы действительности является Ленин. Империалистическая война повлекла за собой крушение социализма. Марксизму чужда фаталистическая точка зрения. Действия людей, поведение классов и партий являются решающими факторами в исторической борьбе. Нет никакого сомнения в том, что социал-демократия стояла и стоит поныне на фаталистической точке зрения, принижая роль революционных классов и перенося центр тяжести в сторону «автоматизма», естественного хода вещей. Этот «автоматизм» объясняется тем, что некоторые слои пролетариата и представляющие их партии так или иначе «сращены» с современным строем, с мелкой буржуазией, с империализмом. Германской социал-демократии после революции 1918 г. представился счастливый «случай», объединившись с российским пролетариатом, начать новую эпоху всемирной истории. Но она испугалась собственной победы, испугалась предстоявшей борьбы и решила отдаться на волю «естественного хода вещей», оправдывая свою трусость неподготовленностью Германии к социализму, ее разорением и страхом перед Антантой. Таким образом, германская социал-демократия дважды совершила преступление: первый раз—оправданием и освещением империалистической войны и второй раз—отказом и самоотстранением от революционной борьбы за социализм. Партия передового класса, которая не смеет победить, играет уже тем самым реакционную роль и своими же действиями подготовляет победу реакционных классов. Так, германская социал-демократия подготовила временную победу реакции, которая еще дорого обойдется рабочему классу. Повторение задов о несвоевременности социалистической революции при современном положении вещей свидетельствует о безнадежном тупоумии таких «марксистов». Из того обстоятельства, что в основе политики лежит экономика, делают вывод, что политическая борьба имеет

второстепенное значение, чем «принижают, по словам Ленина, политическую борьбу до экономической».

Подобно тому, как Маркс, на основании изучения механизма капиталистического общества и восприятия смутных стремлений, чувствований и переживаний рабочего класса создал целое мировоззрение, осветив ярким светом действительность и подняв тем самым человечество на высшую ступень сознания, так в нашу эпоху Ленин, восприняв то же материалистическое марксистское миропонимание, сумел в хаосе империалистической войны уловить подлинные стремления пролетариата, подслушать биение его сердца в окопах и у станка и претворить его смутные, неоформленные переживания и чувства в высшую форму сознания, отражающую новую форму действительности. Мыслителем является тот, кто выражает наиболее ярко «дух времени», кто возвышает на высшую ступень сознания бессознательные стремления своего класса. Мыслитель же передового класса является вождем всего человечества. Ряд теоретически правильных положений марксизма впервые подвергнут был практическому испытанию. Коммунизм из отдаленной цели превратился в практическую проблему сегодняшнего дня. Эта огромная заслуга принадлежит Ленину, поскольку вообще можно говорить о роли отдельных личностей. Еще в 1905 г. в «Двух тактиках» Ленин превосходно выясняет в нескольких словах значение диалектического материализма, в отличие от старого материализма. Диалектический материализм имеет своей задачей не только описание и объяснение явлений. Стоящие на этой точке зрения «принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов». Материализм (марксизм) — это теория коммунизма, коммунизм же — это практика материализма. Это внутреннее единство теории и практики, материализма и коммунизма превосходно понимал Ленин. И

поэтому ему было так чуждо «раздвоение» социализма на цель и путь, ведущий к ней.

Эд. Бернштейн некогда пустил свою ревизионистскую крылатую фразу, которая стала символом веры современной социал-демократии. Конечная цель ничто, движение все,—сказал отец ревизионизма. Ленин отличался от других марксистов тем, что он прекрасно владел революционной диалектикой. Поэтому такое метафизическое противопоставление движения цели было ему органически чуждо и непонятно. Ползучий эмпиризм может довольствоваться мелким крохоборством. Я здесь не вхожу в рассмотрение тех социальных условий, которыми вызывается этот ползучий эмпиризм, или ревизионизм. Меня в этой связи интересует лишь философско-теоретическая сторона вопроса. Для кантианцев «конечная цель» лежит по ту сторону действительности и, представляя собой некий transcensus, никогда не может быть осуществлена в эмпирическом мире. Отсюда переоценка движения и торжество ползучего эмпиризма. Диалектический материализм ничего общего не имеет с таким эмпиризмом или идеализмом, составляющим другую сторону ползучего эмпиризма. Последователи кантианского социализма прикрывают обычно своими громкими фразами о высоких недоступных человеку идеалах, лежащих по ту сторону эмпирического мира, свои антиреволюционные, оппортунистические и слишком уже эмпирические действия.

Конечная цель и движение для диалектического материалиста составляет одно целое, конкретное единство. Но в то время, как оппортунисты подчиняют конечную цель движению, революционный марксизм подчиняет движение конечной цели. Идея гегемонии пролетариата, выдвинутая впервые Г. В. Плехановым, составляла руководящую и центральную идею всей революционной деятельности Ленина. Он никогда не упускал из виду конечной цели, т.-е. социализма, на всех стадиях революционной борьбы. Гегемония пролетариата в буржуазной революции переходит в диктатуру пролетариата после победы над буржуазией. Поэтому задача пролетариата принимать самое активное участие на всех стадиях рево-

люционной борьбы в целях руководства ею и самоподготовки к захвату власти в целях осуществления социализма. «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».

Проповедуя на протяжении всей своей политической деятельности идею диктатуры пролетариата, рассматривая ее как орудие для проведения социалистического переворота, Ленин был больше других субъективно подготовлен к тому, чтобы стать во главе революционного движения, выросшего из условий империалистической войны. Ленин, в отличие от других вождей социализма, подходил «серьезно» ко всем проблемам социалистического движения. В то время, как огромное большинство социалистов в империалистическую войну, вопреки всем решениям международных конгрессов, поддерживало «гражданский мир», Ленин впервые выдвинул лозунг, который приобретет решающее значение для будущей борьбы пролетариата против буржуазии,—лозунг, который, несомненно, составляет эпоху в истории человечества и который гласил: превратить империалистическую войну в войну гражданскую. Ленин совершенно прав, когда он пишет: «Никакими криками злобы, клеветы и лжи они (враги большевиков) не замутят того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую

политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войны, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится, и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся» [1]).

Ряд великих мечтателей-философов грезили о прекращении войн. Они при этом ссылались на всевозможные нравственные заповеди и вечные законы разума и проч. Но, как видим, эти «грезы» не подвинули дело мира ни на шаг. Напротив того, история продолжала развиваться в направлении милитаризма. Жесточайшие и кровопролитнейшие войны потрясают время-от-времени человеческие общества. Естественно, что в капиталистическую эпоху, которая пришла на смену феодальному обществу, войны приняли характер периодически повторяющихся столкновений народов, огромных государств. Чем дальше, тем эти международные столкновения будут ожесточеннее и разрушительнее. «Химические» и всякие иные войны будущего поистине грозят разрушением целых городов и десятков миллионов людей. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что человечество идет навстречу ужасному процессу саморазрушения, самоуничтожения. Производительные силы современного общества обнаруживают свой разрушительный характер. Они пришли в противоречие с производственными отношениями. Мировая война сама является выражением этого противоречия. Но войны ведутся господствующими классами, рабовладельцами, которые не останавливаются перед избиением человечества, раз этого требуют их своекорыстные интересы. Руководство войнами принадлежит буржуазии, но кровь свою за их интересы проливают рабочие и крестьяне, единственный интерес которых состоит в свержении власти рабовладельцев.

Величайшей заслугой Ленина останется то, что он звал к превращению империалистской войны в войну гражданскую, что он поднял знамя восстания против

---

[1]) Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I, стр. 367—368.

войны, не ограничиваясь одними резолюциями о необходимости объявить войну войне. «Если в самом деле верно,— писал Ленин уже почти в самом начале мировой войны,— что нынешняя война есть война империалистская, что империализм есть целая историческая стадия в завершающемся развитии капитализма; если верно, что нынешняя война может открыть собой целую эпоху повторных империалистских войн; если эпоха империалистских войн грозит нам неисчислимыми бедствиями, грозит морями крови, миллионами жертв, грозит ослаблением международной солидарности, грозит отбросить далеко назад все великое освободительное движение пролетариата; если все это так, а это несомненно так,—то мы, революционные социал-демократы, должны, ведь, поставить себе вопрос, как же бороться против надвигающегося на нас зла, с чем нам пойти навстречу этой надвигающейся целой эпохе, как предотвратить те губительные последствия, которые уже принесла с собой первая из «великих» империалистских войн».

Этот проклятый вопрос продолжает стоять перед международным пролетариатом и поныне. Единственный выход из создавшегося положения—это восстание пролетариата, пролетарская революция, захват власти рабочим классом и борьба за социализм. Практический материализм ставит себе целью, говорил Маркс, революционизирование существующего мира. Он практически,—а не теоретически только, не словесно, не платонически, как это делали прежние философы,—обращается против мира и изменяет его. Без борьбы ничто великое не осуществляется в жизни. Эту столь же глубокую, сколь и простую истину проповедует марксистский материализм, материалистическая философия. Поэтому ясно, что всякий, кто становится на иную точку зрения, кто думает, что можно изменить мир посредством заклинаний, посредством хороших резолюций,— тот фактически становится на почву идеализма, тот изменяет материализму. Великие всемирно-исторические задачи, стоящие перед передовым классом современного общества, могут быть решены только классовой борьбой. Свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата

составляют начало новой исторической эпохи. Ленин, подводя итоги Октябрьской революции, писал: «Мы в праве гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, начать этим новую эпоху всемирной истории,—эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн».

XIII.

Материалистическая диалектика учит нас тому, что старая общественная формация, из которой рождается новая, налагает на первых порах на последнюю свою печать. Маркс, а за ним и Ленин, правильно рассматривают поэтому «коммунизм, как нечто развивающееся из капитализма» и устанавливают ряд ступеней экономической зрелости коммунизма. «В первой своей фазе,—пишет Ленин,—на первой ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта буржуазного права» при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов потребления предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство—без буржуазии.

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом деле, остатки старого в новом показывают нам жизнь на каждом шагу: и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного»

права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма [1]).

Государство вообще есть организация систематического насилия одного класса над другим. В этом отношении не существует разницы между буржуазно-демократическим государством и диктатурой пролетариата, между различными формами государственной организации вообще. Но по существу между ними существует огромная разница, состоящая в том, что буржуазное государство, даже высшая его форма, имеет своей задачей утверждение господства буржуазии; пролетариат же делает свое государство орудием отрицания, уничтожения всякого государства. Деятельность пролетарского государства состоит в том, чтобы сделать его излишним. Пролетарское государство имеет своей задачей сломить сопротивление буржуазии, и, по мере того, как этот процесс осуществляется, пролетарское государство отмирает.

«Мы ставим своей конечной целью,—говорит Ленин,—уничтожение государства, т.-е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения» [2]).

Ленин во многих местах своей книги о «Государстве и революции» подчеркивает значение «элементарных правил и условий общежития». Так, доказывая несовместимость свободы с государством, подчеркивал, что только в коммунистическом обществе, где нет классов, где существует фактическое равенство между членами

---

[1]) Ленин, Собрание сочинений, т. XIV, стр. 374—378.
[2]) Ленин, там же, стр. 364.

общества по отношению к средствам производства и потребления, существует настоящая свобода и не имеет места государство, он продолжает: «И только тогда демократия начнет отмирать в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплоатации, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» [1]).

Коммунистическое общество не есть нечто застывшее, некое законченное общественное состояние. Напротив того, социализм есть реальное движение, а не состояние,—говорит Маркс. В современном обществе массы забиты, угнетены и подавлены. Быстрое движение вперед во всех областях личной и общественной жизни начнется только с социализма, ибо в этом движении будет принимать участие сначала большинство населения, а затем и все население,—говорит Ленин.

Первая фаза коммунистического общества—социализм—носит на себе еще отпечаток того общества, из недр которого она вышла. Эта социалистическая фаза характеризуется тем, что средства производства перестали быть предметом частной собственности и принадлежат всему обществу. Предметы же потребления на этой стадии общественного развития распределяются по работе.

На этой ступени развития не осуществлены еще равенство и справедливость, ибо равное право означает несправедливость, нарушение равенства, так как право предполагает применение одинакового масштаба к различным людям, которые не одинаковы, не равны. В таком случае социализм делает лишь первый шаг: он уничтожает эксплоатацию человека человеком. «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся, и различия несправедливые,

---

[1]) Ленин, там же, стр. 370.

но невозможна будет эксплоатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и пр. в частную собственность» [1]). Развернутый коммунизм предполагает распределение предметов потребления по потребностям. По мере развития экономических основ коммунизма осуществляются для Ленина, как и для всякого марксиста, элементарные правила общежития—равенство, свобода и справедливость. Идеалисты-философы, как и буржуазные идеологи проповедывали равенство, братство, свободу и справедливость, как «вечные ценности», которые, повидимому, остаются вечными ценностями, идеалами, носящимися, как бесплотные духи над грешной эмпирической землей, где продолжают царствовать грабеж, насилие и всякого рода зверства. Но они удовлетворялись тем, что в сверх-эмпирическом, потустороннем мире существуют такие прекрасные вещи, как равенство, свобода и справедливость. Марксизм впервые в истории подходит к этим «высоким» моральным идеалам, не с моральной, а с историко-материалистической точки зрения. Вся предшествующая философия и идеология буржуазии стояла на почве формального равенства, формальной свободы и проч., отражая буржуазные отношения, ибо сама философия является лишь абстрактным выражением общественных отношений. Марксизм доказывает, что формальное равенство в современном обществе есть выражение реального неравенства, формальная свобода—выражение реальной несвободы и т. д. Марксистская этика не видит в «идеале» чего-то такого, что чуждо действительности, и что противостоит ей, как некое долженствование. Для марксизма не существует разрыва между действительностью и идеалом. Коммунизм,—писал Маркс,—не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Те, кто стоят на точке зрения идеализма, на точке зрения идеала, с которым должна сообразоваться действительность, обычно забывают об этой действительности, оставаясь при отвлеченном идеале. Диалектический материализм тем отличается от идеализма, что

---

[1]) Ленин, там же, стр. 373.

определенные «идеалы» он объясняет и выводит из реальных условий действительности. Равенство, не формальное, а фактическое равенство не представляет собой отвлеченную истину, некую вечную категорию, одинаково истинную для всех времен, а реальное движение определенного класса современного общества, вытекающее из данных конкретных условий жизни этого класса. Маркс,—говорит Ленин,—не занимался утопиями. «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении изменяется». Вместе с развитием коммунизма видоизменяются и развиваются человеческие идеи о моральном, прекрасном и истинном.

Разрыв между действительностью и идеалом, между теорией и практикой составляет одно из самых больших зол и бедствий, которые остались от капиталистического общества,—говорит правильно Ленин. В теории, в книжках писали о высоких материях, а в деятельности своей, в жизни руководствовались противоположными принципами. Материализм не есть философия борьбы. Теория и практика осуществляют свое единство, свой синтез в б о р ь б е, в борьбе за коммунизм в практическом изменении действительности.

XIV.

Что представляет собою мораль? И существует ли вообще коммунистическая мораль? На эти вопросы Ленин отвечает следующее. Коммунисты отрицают мораль в том смысле, в каком ее проповедывала буржуазия. Буржуазия выводила правила нравственности, мораль, или из велений бога, или же из велений отвлеченной нравственности, из идеалистических фраз. Марксизм отрицает, словом, нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия. Для коммуниста вся нравственность состоит в сознательной массовой борьбе против эксплоататоров. «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплоатации труда»[1].

[1]) Л е н и н. Собрание сочинений, т. XVII, стр. 324.

Нравственность подчинена, таким образом, интересам классовой борьбы пролетариата. До тех пор, пока продолжается классовая борьба, коммунистическая нравственность должна служить этой борьбе. «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов».

Итак, развитие капитализма создает реальные материальные условия для осуществления равенства, свободы и справедливости. Пролетариат борется за фактическое равенство и фактическую свободу. Эти лозунги или идеалы имеют огромное значение. Процесс развития современного общества идет от формального равенства и формальной свободы, от демократии через диктатуру пролетариата к социализму и коммунизму. «Фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплоататоров пролетариат распространит на все общество,—говорит Ленин,—никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплоатации и для дальнейшего движения вперед». «Фабричная» дисциплина будет сплачивать и объединять людей, будет их воспитывать в духе общественных интересов. Люди научатся подчинять свои личные интересы общественным. «Необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития,—как выражается Ленин,—войдет в привычку. Люди постепенно научатся работать на общество без всяких норм права. И так как государство есть выражение неравенства и угнетения, то с осуществлением равенства и свободы государство должно отмереть. Сначала будет осуществлено равенство всех членов общества по отношению к владению средствами производства; дальнейшее же развитие общества неизбежно приведет к фактическому равенству, к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». «Государство сможет отмереть полностью тогда,—говорит Ленин,—когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», то-есть когда люди настолько привыкнут к соблюде-

нию основных правил общежития, и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям»[1]).

Так все стороны общественной жизни связаны в одно конкретное целое. Полное равенство и свобода будут осуществлены в коммунистическом обществе, где интересы индивидуума будут совпадать и слиты с интересами общества. В таком обществе нет уже места государству. Все люди будут управлять общественными делами, а там, где все управляют, там нет места для специальной организации, стоящей над обществом. В коммунистическом обществе объектом управления будут не люди, а вещи.

Власть, нравственные идеи и религиозные представления имеют своим источником не сверхчеловеческий мир, а общественные отношения. Общественные же отношения, т.-е. строй общества, изменяются и определяются отношениями человеческого коллектива к природе. С точки зрения идеализма нравственные идеи, как и познавательная истина, лежат по ту сторону исторического, т.-е. изменчивого, чувственного материального мира. Подобно тому, как в гносеологии они исходят из вечных, неподвижных идей, так и в морали они апеллируют к вечным понятиям. Они при этом утверждают, что реальный мир, конкретная действительность вследствие своего преходящего характера, не может дать объективной истины. Логизм и рационализм в этике утверждает существование морали в себе, как и истины в себе, т.-е. метафизического морального закона, возвышающегося над изменчивой, исторической действительностью. Но за этими метафизическими вывертами скрывается желание и стремление господствующего класса «заморозить» данную действительность, превратив ее в неизменную историческую категорию, отрицающую историческое развитие. Такова уже подлинная диалектика общественной эволюции.

Кто стремится к уничтожению классов, тот не может занять в современном обществе сверхклассовую или надклассовую позицию, а должен подчинить все классовой борьбе пролетариата, ибо через классовую борьбу история ведет к бесклассовому обществу, к общественной

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, стр. 376.

солидарности людей. Через «фабричную» дисциплину, говоря словами Ленина, человечество приходит к такому общественному устройству, когда люди будут смотреть на труд, как на наслаждение, и будут добровольно работать для общественного блага. Но путь, ведущий к конечной цели, к идеалу (каждый по способностям, каждому по потребностям), как говорит Ленин, ведет через различные ступени и переходные формы, связанные со строгой дисциплиной, с насильственной организацией. На этом пути, усеянном вовсе не розами, а подчас и шипами,—пути, связанном с большими страданиями для отдельных лиц,—о б щ е с т в о в ц е л о м подвигается неизбежно и неуклонно, в связи с необходимым экономическим развитием, вперед по пути прогресса. Только через п р о т и в о р е ч и я общество идет к с о л и д а р н о с т и, через строгую организацию и подчинение к общественной организации, не знающей насилия, подчинения и принуждения. Для того, чтобы люди п р и в ы к л и, как говорит Ленин, соблюдать элементарные правила общежития, необходима не проповедь моральных идей, а с а м о в о с п и т а н и е и и з м е н е н и е ч е л о в е к а в связи с необходимыми экономическими преобразованиями общества. Мировая история ведет человечество от неравенства к равенству, от принуждения к свободе, от классового общества к бесклассовому и безгосударственному обществу.

Всякая нравственная теория до сих пор,—говорит Энгельс,—являлась в конечном счете результатом данного экономического положения общества. «А так как общество до сих пор развивалось путем классовых противоречий, то нравственность всегда была классовой нравственностью: либо она оправдывала господство и интересы господствующих классов, либо, когда класс угнетенный становился достаточно сильным, она выражала возмущение против этого господства и защищала будущие интересы угнетенных. Что при этом, в общем и целом, в нравственности, как и во всех прочих отраслях человеческого познания, происходил прогресс,—в этом нельзя сомневаться. Но еще и теперь мы не вышли за пределы классовой нравственности. Нравственность, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной при такой

степени развития общества, когда не только будет устранена противоположность классов, но, вместе с тем, изгладится ее след из практической жизни»[1]).

Представления о равенстве и свободе, справедливости и братской солидарности всех людей являются продуктом исторического процесса, результатом определенных материальных условий, от которых они неотделимы. Буржуазное требование равенства имело в виду отмену классовых привилегий и установление равенства в сфере политической, в сфере государственных отношений. То же самое относится и к требованию свободы. Пролетарское же требование равенства сводится к уничтожению классов и к установлению равенства в реальных условиях экономической и общественной жизни, как говорит Энгельс. Абсолютной нравственности не существует, но из всех существующих ныне нравственных теорий пролетарская мораль будущего «обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей продолжительную устойчивость, которая в данную эпоху выражает точку зрения будущего» (Энгельс). Пролетарское миропонимание в целом и вытекающая из него практическая борьба за осуществление коммунизма открывают перед всем человечеством величественные перспективы. Ни одно учение не может итти с ним в сравнение ни в отношении научности, ни в смысле практической его ценности. Буржуазные философы обычно хвастают тем, что «мораль» составляет их монополию, что марксизм и материализм отрицают всякую нравственность. Из сказанного, однако, ясно, что это ложь. И замечательно, что как только дело доходит до практического осуществления «великих принципов морали», о которых так пекутся мыслители-идеалисты, они сейчас же бьют тревогу и доказывают несостоятельность и ненаучность ими же проповедуемых на словах принципов морали. Один из критиков марксизма, некий Герлих[2]), издевается над Лениным за то, что он

---

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг, русск. изд. 1918 г., стр. 84. В целях большей точности мной сделаны в переводе приведенной цитаты некоторые исправления.

[2]) См. его книгу: F. Gerlich. Der Kommunismus als Lehre vom tausendjährigen Reiche. München, 1920 г.

ждет от коммунистического общества рождения нового человека, что он придает такое огромное значение привычке и проч. При этом автор сопоставляет марксизм с его «верой» в будущий рай на земле, с его «обожествлением» пролетариата—с христианством. Разумеется, этот Герлих понятия не имеет о том предмете, о котором он написал целую книгу [1]). При этом сопоставлении обнаруживаются, конечно, все «преимущества» христианства, несмотря на то, что и марксизм, согласно буржуазной традиции, объявляется им религией. Преимущество христианства состоит, видите ли, в том, что оно требует изменения отдельного индивидуума, между тем, как революционный марксизм, и в частности Ленин, «требует» изменения всего общественного строя. Христианство учит о царстве божием, а эти ненавистные «утописты»-коммунисты грезят о рае на земле, борются за него и т. д. В доказательство автор основательно ссылается на Маркса и Энгельса, Ленина и Троцкого. Христианство признает «спасителем» одного индивидуума, а марксизм в качество «спасителя» человечества признает целый класс—пролетариат. Христианство учит, что вера спасает, а марксизм проповедует нечто совсем другое. Как же не согласиться с этим великолепным автором, что «немецкая душа» нуждается в «новом» мировоззрении, которое базировалось бы на христианстве. Вот какая белиберда противопоставляется марксизму!

Итак, привычка, согласно Ленину,—великий воспитатель человека, говорит Герлих. Конечно, в такой общей форме это утверждение односторонне и не верно. Но дело в том, что в таком виде это утверждение принадлежит не Ленину, а Герлиху. Маркс писал еще в сороковых годах прошлого столетия, что материализм составляет основу коммунизма и социализма. «Если человек черпает все свои ощущения, знания и пр. из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, то надо, стало-быть, так устроить, чтобы человек получал из этого мира достойные его впечатления, чтобы он чувствовал себя че-

[1]) О коммунизме за последнее время за границей появился ряд книг.

ловеком. Если правильно понятый личный интерес есть основа всякой нравственности, то надо, стало-быть, позаботиться о том, чтобы интересы отдельного человека совпадали с интересами человечества. Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало-быть, эти обстоятельства сделать достойными человека. Если природа предназначила человека к общественной жизни, то, стало-быть, только в обществе обнаруживает он свою истинную природу». Ленин, вслед за Марксом, говоря о привычке, имеет в виду изменение человека под воздействием всей совокупности общественных условий окружающей его среды. Общество является великим и единственным воспитателем человека. Такие азбучные истины приходится вбивать в голову буржуазных идеологов. И если верно,—а с материалистической точки зрения это безусловно верно,—что человек изменяется вместе с изменением среды, общественной организацией, то, в коммунистическом обществе человек, т.-е. вся совокупность его представлений и идей, вся его психика, весь его характер и привычки радикально изменятся. Поэтому и Маркс, и Энгельс говорят о новом человеке, новом поколении, которое вырастет в новых, свободных общественных условиях и усвоит, следовательно, новые «привычки». И так как высшая фаза коммунизма предполагает нового человека, так как в коммунистическом обществе человек, по словам Ленина, будет смотреть на труд, как на первую жизненную потребность, то приспособление человека к новым условиям жизни совершится через предварительную низшую фазу, где будет осуществлен строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства над отдельным индивидуумом,—«над мерой труда и мерой потребления». «Новый человек» рождается не сразу, а формируется в ходе общественного развития и борьбы коллектива объединенными и организованными силами с внешней природой. Через борьбу классов Ленин стремился к созданию нового общества, единой солидарной организации человечества, истинного царства свободы, равенства и братства.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ
№

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Введение	3
II. Теория и практика	7
III. Основы теории познания	12
IV. Объективная истина	16
V. Диалектический материализм	22
VI. Определение материи	32
VII. Материализм и идеализм	36
VIII. Пространство и время	39
IX. Закономерность, необходимость и свобода	43
X. Мышление и бытие	46
XI. Критика физического идеализма	51
XII. Марксизм и современная действительность	55
XIII. Марксизм и история	63
XIV. Материализм, коммунизм и новый человек	69